

18+

ПОКОРЕНИЕ ЕВРОПЫ

ИГОРЬ ШАМАРИН

Игорь Шамарин
Покорение Европы

«Издательские решения»

Шамарин И. И.

Покорение Европы / И. И. Шамарин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517194-8

Середина 22-го века. Нет голодающих, решен вопрос с перенаселением и недостатком пресной воды, преступность на уровне асоциального поведения отдельных личностей, давление на экологию минимально. Главный герой — молодой ученый, планирующий дальнейшую жизнь с любимой женщиной. Что еще нужно для долгой и счастливой жизни? Просто не делать ошибок. Но если любое правильное на первый взгляд решение оказывается фатальным, то как выжить под ударами судьбы? Ответ только один — идти своим путем до конца. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-517194-8

© Шамарин И. И.
© Издательские решения

Покорение Европы

Игорь Иванович Шамарин

© Игорь Иванович Шамарин, 2020

ISBN 978-5-0051-7194-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Экскурсия.

С металлическим лязгом медленно приоткрылась тяжелая створка шлюза, поразившая своими размерами и толщиной. В увеличивающуюся щель проема постепенно стало видно длинное, тускло освещенное помещение. Группа молодых людей в два десятка человек столпилась за спиной невысокого, подтянутого мужчины лет пятидесяти, который стоял перед открытым проемом шлюза.

– Перед тем как мы продолжим экскурсию, я готов ответить на вопросы по блоку номер один, – сказал мужчина визгливым, не очень приятным голосом.

Высокий рыжеволосый парень сразу поднял руку, привлекая к себе внимание:

– Уважаемый экскурсовод, мы уже увидели первый блок! С ним и так все понятно! Показывайте, наконец, второй блок.

Экскурсовод на секунду опустил взгляд, сверяясь с личной голограммой, видимой только ему.

– Хэпибулин, за сегодняшний день вы прокомментировали буквально каждое мое слово! – экскурсовод устремил на парня тяжелый взгляд. – Слишком много фоните, молодой человек!

Хэпибулин демонстративно выпучил глаза и артистично зажал рот ладонями. Экскурсионная группа отреагировала на его очередную выходку сдержанными смешками. Лицо экскурсовода заиграло желваками: казалось, он сейчас потеряет самоконтроль и резко одернет нахала, но вместо этого мужчина негромко хлопнул в ладоши, привлекая внимание молодых людей.

– Итак, группа, это последняя ваша экскурсия по Изолятору перед вступлением во взрослую жизнь. Прошу вас проникнуться моментом и четко себе уяснить, что только от вашей ответственности перед собой и окружающими зависит, как сложится ваша жизнь. Зависит только от вас, провести свое будущее полноценным членом общества или быть ограниченным в гражданских и человеческих правах. Это зависит только от вас. Только от вас!

– Ну все, завел шарманку, – пробурчал Хэпибулин.

Экскурсовод так злобно на него посмотрел, что даже непробиваемый Хэпибулин ступешивался и быстро скрылся в задних рядах группы. Экскурсовод победно оглядел ребят и веско добавил:

– И я буду это повторять без конца. Вопрос ответственности очень важен: он ключевой в современной цивилизации.

Наступила пауза. В первых рядах скучающей группы поднялась рука.

– Да, Селезнева, – после секундной задержки мужчина кивнул высокой русоволосой девушке в балахоне, совершенно скрывающем ее фигуру.

Девушка опустила руку:

– Фридрих Иванович, Вы все равно меня не убедили в этой истории с собакой.

– Уточните, в чем именно не убедили?

– Я все равно считаю, что неправильно изолировать тут целую семью из-за собаки, пусть даже и покусавшей прохожего.

– Не прохожего, Селезнева, а соседского мальчика. И изолировали не целую семью, а только собаку, ребенка и его отца.

– Так мать этого мальчика не изолировали, потому что она была беременной!

– Вы ошибаетесь, Элис. Мать мальчика не изолировали, потому что в их семье отец являлся официальным главой семьи, несущим за нее всю полноту ответственности, а не из-за того, что она на шестом месяце беременности.

Экскурсовод обвел колючим взглядом группу молодых людей, а затем торжественно добавил:

– Или, возможно, кто-то считает, что никто не должен нести ответственность за нанесение травм, подвергающих опасности чью-то жизнь, здоровье и будущее? Дрон службы общественной безопасности зафиксировал, как ребенок натравил собаку на соседского мальчика.

– Фридрих Иванович, так собака не сильно его покусала!

Экскурсовод громко фыркнул и брезгливо выдавил из себя:

– Я даже не хочу комментировать вашу последнюю реплику. Лично я считаю, что суд был слишком мягок. И вообще, если бы от меня зависело решение, то так легко эта семейка не отделалась бы.

Последнюю фразу раскрасневшийся экскурсовод прошипел, судорожно подергивая руками. Втянутая в плечи шея вместе с немного великоватым темным костюмом делали его похожим на большую растрепанную ворону. Но Фридрих Иванович быстро справился с собой и, нервно оглядев притихших слушателей, проговорил своим неприятным голосом:

– Если больше вопросов нет, прошу пожаловать в блок номер два – для людей, полностью пораженных в гражданских и человеческих правах. Обращаю внимание на то, что все они бессрочно изолированы от общества.

Группа молодых людей начала молча втягиваться в шлюз. И только неугомонный Хэпибулин с видом знатока очень громко прошептал:

– Видели, какой он дерганый! Обычный профессиональный перекус кровавой гэбни!

Ребята в голос засмеялись. У экскурсовода задергалось лицо, но он сделал вид, что не услышал Хэпибулина. Рослый парень очень крепкого телосложения, идущий в задних рядах толпы, постепенно вливающейся в узкий шлюз, чуть припоздал и со скучающим видом начал прогуливаться вдоль стены рядом с шлюзом. Он встал, прислонившись к стене, немного суетливо вытряхнул камешек из левого ботинка, прошел к входу, и, видимо, опять обнаружив какой-то дискомфорт, прислонился уже к противоположной стене и начал вытряхивать мусор из другого ботинка.

– Молодой человек, Вас долго еще ждать? – окликнул его экскурсовод, выглядывая из-за могучей створки шлюза.

Парень не отвечал, сосредоточенно копаясь в ботинке.

– Лепов, Вы скоро? – повысил голос экскурсовод после секундной сверки с личной голограммой.

– Да, уже бегу! – бодро отрапортовал парень и одним прыжком запрыгнул внутрь второго блока. Он кивнул экскурсоводу и прошел мимо него в длинное узкое помещение.

С правой стороны удлиненной невысокой залы располагался ряд небольших камер, забранных толстыми вертикальными прутьями, а с левой находилась глухая стена. Глаза постепенно привыкли к тусклому освещению, и стало видно, что камеры были высотой примерно по грудь обычного человека, а потолком им служила толстая плита перекрытия, на которой располагалась цепочка каких-то блестящих коленчатых механизмов высотой в два-три метра. Механизмы чем-то напоминали старинных промышленных роботов и располагались по одному строго над каждой камерой. На первый взгляд камер было не менее пятидесяти. Несколько из их числа, располагающихся у входного шлюза, пустовали, но характерный запах и шум дальше указывали на то, что следующие камеры обитаемы.

Экскурсовод собрал группу вокруг себя и расширил личную голограмму до видимого всем состояния, чтобы начать пространную лекцию, посвященную Изолятору. Нового в лекции оказалось немного. Оказывается, с целью минимизации негативных последствий для психики обслуживающего персонала изолятора внутри все процессы полностью автоматизированы. Людми охраняется только наружный контур здания, а сервисное обслуживание и восстановление запасов еды с другими расходными материалами осуществляется в специальной пристройке, не имеющей прямого контакта с заключенными. Изолируемые люди делятся на две неравные по количеству группы: в первом, самом многочисленном блоке обеспечены достаточно комфортные условия содержания, потому что изолируемые там люди только временно и частично поражены в своих гражданских и человеческих правах. Во втором же блоке обстановка более чем спартанская, так как там бессрочно содержатся настоящие преступники, которые полностью поражены в своих правах.

– Еще раз повторяю, – в очередной раз начал экскурсовод, – тут содержатся те, кому отказано в праве называться человеком.

– Поэтому их и содержат в клетках, как животных?! – с вызовом спросила симпатичная полненькая девушка.

– Именно как животных, – Фридрих Иванович произнес эти слова с видимым удовольствием. – Но у них вдоволь еды, воды и чистого воздуха. И каждый день проводятся водные процедуры. Видите тот желоб, идущий по полу вдоль ячеек? Пол в камере под небольшим наклоном, поэтому все нечистоты стекают в желоб под действием сил гравитации, естественным путем, так сказать. Кстати, пол с подогревом. Вообще, у изолированных есть много возможностей сделать свою жизнь максимально комфортной, например...

– Вам не стыдно? Да разве это жизнь? ЭТО НЕ ЖИЗНЬ! – последние слова девушка почти что прокричала.

– Да, Кляйн, не жизнь, – неожиданно согласился с ней экскурсовод. – А результат их жизненного выбора. Это закономерный итог их жизненного пути, который последовательно и привел к такому концу. Да, и у всех здешних обитателей есть выбор: они ведь всегда могут прервать свою, как вы говорите, «не жизнь». Всегда ведь можно уморить себя, отказавшись от еды и питья! Всегда можно разбить свою голову о стену, в конце концов, или, например, уморить себя муками совести! – мужчина неприятно захихикал. – Впрочем, последний вариант самоубийства пока не был достоверно зафиксирован в научных анналах.

Экскурсовод весело оглядел группу, но встретил только угрюмое молчание: шутку не оценили.

– Вы хотите сказать, что некоторые доходят до такого крайнего отчаяния, что пытаются сами инициировать у себя черепно-мозговую травму, не совместимую с жизнью? – подала голос девушка в балахоне.

– Да, Селезнева.

– Но ведь крайне тяжело и болезненно убить себя таким способом.

– Да. Вы абсолютно правы.

– Ужас! Как их потом лечат тут? И где находится медицинский блок?

– Никакого медицинского блока нет, потому что изолированных вообще не лечат. Они находятся в своей ячейке до самой смерти в независимости от состояния своего физического и психического здоровья.

Группа молодых людей потрясенно переглядывалась между собой.

– А как вы потом достаете труп из камеры? Я не вижу двери, – неожиданно громко в тишине прозвучал вопрос Хэпибулина, стоявшего возле одной из пустующих камер.

Экскурсовод криво ухмыльнулся и начал рассказ, чеканя каждое слово:

– Сразу после установления факта смерти вот те многофункциональные устройства сверху начинают...

– Подождите, — перебила экскурсовода Кляйн, — но как исключить возможность ошибки? Ведь по вашим словам люди тут практически не появляются.

Фридрих Иванович как ни в чем не бывало обвел недружелюбным взглядом молодых людей, столпившихся вокруг него, и сказал:

– Ну, вы совсем не уважаете центр обслуживания Изоляторов! Там десятки дублирующих друг друга датчиков, оценивающих большое количество параметров. Ошибка абсолютно исключена. С вашего позволения, я теперь продолжу рассказ об утилизации трупов... Над каждой камерой находится многофункциональное устройство, обеспечивающее все нужды изолированных, которое наш обслуживающий персонал называет «рукой». После получения соответствующего сигнала «рука» разбрызгивает специальный раствор, чрезвычайно хорошо растворяющий органику.

– И даже кости растворяет? – Хэпибулин вылез в первые ряды с крайне заинтересованным видом.

– Не сразу, конечно. Все-таки кости, а особенно зубы, являются самым твердым материалом в человеческом теле, но под действием смеси кислот и специально выведенных бактерий даже зубы полностью растворяются и смываются вот в этот желоб. Окончательно ячейку очищают раскаленным паром и горячей водой.

Через несколько секунд экскурсовод заглянул в наручный коммуникатор и махнул рукой, привлекая внимание группы, которая потрясенно толпилась у пустых камер.

– Группа, у нас мало времени, поэтому буду краток. Здесь изолированы те существа, нахождение которых рядом с собой общество не приемлет. Им отказано не только во всех человеческих и гражданских правах, но и даже в праве называться человеком. Изолятор поддерживает только биологические потребности содержащихся здесь существ. Многие из вас, наверное, слышали о «тринадцати с половиной кубиках».

Некоторые ребята закивали.

– Это выражение, — самодовольно продолжил мужчина, — пришло из системы Изоляторов, потому что каждому изолируемому выделяется для существования ячейка размером тринадцать с половиной кубических метров. Три метра на три метра по полу и полтора метра высоты. Сразу возникнет закономерный вопрос: почему ячейки именно такого размера?

– Да, возникает! — с вызовом прокричал кто-то с задних рядов.

– Я не знаю. Видимо, так сложилась исторически. Но могу сказать точно про высоту ячейки в полтора метра, — экскурсовод с вызовом оглядел, окружающих его ребят. Р – Стоять с высоко поднятой головой — это роскошь, данная только человеку. А здесь людей нет! Есть только изолированные.

– Это не гуманно, — вскричал очень смуглый парень, — это просто садизм, излишняя жестокость и запоздалая месть общества за случайные жизненные ошибки.

– Зависит от точки зрения, Симонс... — начал было отвечать экскурсовод, но в беседу грубо влез Хэпибулин.

– А если карлика сюда посадить? Он же будет стоять с высоко поднятой головой! Как человек!

Фридрих Иванович с ненавистью посмотрел на рыжеволосого парня, который как ни в чем не бывало мило улыбался.

– Ну, хоть где-то карлик будет стоять с высоко поднятой головой, Хэпибулин, — неприятным голосом проговорил экскурсовод. — Но успехи перинатальной диагностики сводят риск попадания сюда карлика к нулю. И, Хэпибулин, настоятельно прошу Вас в дальнейшем воздержаться от неуместных и глупых высказываний.

Под тяжелым взглядом экскурсовода Хэпибулин выставил перед собой ладони в защитном жесте и мгновенно затерялся среди экскурсионной толпы.

– Это зависит от точки зрения, Симонс, – спокойно продолжил Фридрих Иванович. — Давать им дальше возможность творить ужасные вещи также будет страшной несправедливостью, но уже по отношению к обычным, ни в чем не повинным людям. К простым нормальным людям, не заслуживающим ни неоправданной жестокости, ни немотивированного насилия.

– Но человек имеет право на ошибку! – вскричал Симонс.

– Конечно, каждый человек имеет право на ошибку. Но личность, заживо расчленившая семью из трех человек после длительных пыток, вряд ли могла сделать это случайно и по ошибке. И поэтому это существо автоматически выводится из гражданского и человеческого правового поля.

– Во погибает! – послышался восхищенный шепот Хэпибулина с последних рядов группы.

– Посмотрите вот на эту личность, – куратор, сделав несколько шагов, рукой указал на ячейку перед собой.

Экскурсионная группа примолкла и начала в тишине разглядывать молодого симпатичного мужчину, сидящего на корточках за толстыми прутьями. «Личность» в свою очередь тоже молча рассматривала столпившихся перед ячейкой молодых людей.

– БЫ-Ы-Ы!!! – страшно зарычал он, неожиданно бросившись к решетке.

Передние ряды отшатнулись. Изолированный человек схватился за живот, упал на бок и начал заразительно смеяться, изо всех сил стуча ногами по полу.

– К-к-каждый раз пугаются... – сквозь слезы проговорил изолированный.

– Расслабьтесь, молодые люди, ему просто скучно, а развлечений здесь очень мало, – скучным голосом проговорил экскурсовод. – Блок номер два полностью автоматизирован, и людей «изолированные» видят только во время редких посещений сервисных бригад, обслуживающих автоматику да во время еще более редких экскурсий. Кстати, обратите внимание: изолированные видят перед собой глухую стену. Это не для того, чтобы их излишне мучить. Экономически выгоднее было бы сделать ячейки друг напротив друга, но годами заставлять бедолаг смотреть на других таких же неудачников признано чрезмерной жестокостью.

– А он точно убийца? – спросил кто-то из толпы. – Может быть, это все-таки какая-то ошибка?

– Да, да, это ошибка, ошибка, ошибка-а-а! – на все лады из ячейки начал повторять изолированный, кривляясь и дергаясь всем телом.

Фридрих Иванович легким движением руки развернул для всеобщего обозрения большую черно-белую голограмму без звука. Голограмма показывала место преступления с высоты нескольких метров, судя по ракурсу, снятое дроном. Буквально через несколько секунд большинство присутствующих отвернулось. Куратор внимательно наблюдал за группой.

– Хотите, я включу звук с цветным объемным изображением, и вы сможете лучше рассмотреть результаты жизнедеятельности этой интересной личности? – предложил он.

Большинство молодых людей с отвращением замотали головами.

– Хорошо. У кого-нибудь есть сомнения в виновности этого изолированного? Нет? Ну, после увиденного мало у кого возникают сомнения, а только рвотный рефлекс, – Фридрих Иванович коротко хохотнул. – Случайно сюда никто не попадает. Есть вопросы?

– Почему он голый? – спросил женский голос.

– А зачем ему одежда? Во втором блоке поддерживается комфортная постоянная температура воздуха в двадцать четыре градуса, а пол в ячейках всегда нагрет до сорока градусов по Цельсию. Так что замерзнуть крайне затруднительно. Еще вопросы?

Экскурсовод демонстративно посмотрел на наручный коммуникатор:

– Раз больше нет вопросов, то у вас появляется время самостоятельно осмотреться и, так сказать, напитаться духом этого в высшей степени интересного места. Я искренне надеюсь, что вы увидите этот антураж только во время следующей экскурсии. Потом мы проследуем

в конференц-зал и посмотрим учебный фильм об истории становления современной системы изоляторов. Да, рекомендую надеть беруши, которые всем вам предварительно раздали или вообще сразу закончить осмотр блока номер два. Я буду ждать у входа.

Последнему совету экскурсовода никто не внял. Тихо перешептываясь, молодые люди разбились на небольшие группки по несколько человек и начали разбредаться по второму блоку.

Следующие несколько камер пустовали. Далее пошли сплошь обитаемые ячейки, в большинстве которых находились мужчины, но, впрочем, попадались и женщины. Одни изолированные были совершенно сумасшедшего вида, другие на первый взгляд ничем не отличались от обычных людей. Поведение разнилось от камеры к камере: кто-то флегматично разглядывал экскурсию, кто-то агрессивно что-то выкрикивал, некоторые лежали, отвернувшись от решетки. Беруши от громких криков совсем не помогали, а только делали их более глухими, поэтому большинство молодых людей сразу от них избавились. Обитатели камер были совсем разные, объединяли их только длинные косматые волосы и заросшие бородатые лица у мужчин.

Вдоль коридора с внешней стороны, в нескольких сантиметрах от толстых прутьев ячеек тянулся глубокий наклонный желоб. На толстых плитах, расположенных над каждой ячейкой, матово блестела многочисленными сочленениями, механизмами и шлангами огромная складная рука. В век всеобщей миниатюризации механизм удивлял своими размерами, массивностью и каким-то чрезмерным запасом прочности. Количество различного навесного оборудования для обслуживания пищевых и гигиенических нужд обитателей изолятора поражало.

Высокий молодой человек, которого экскурсовод назвал Леповым, осматривал второй блок в одиночку, пока не подошел к одиноко стоящему перед одной из камер Хэпибулину. Внутри камеры спиной к проходящим находилась обнаженная женщина средних лет, согнутая в коленно-локтевой позе. Ноги торчали наружу между прутьями решетки, так что волосатая промежность хорошо просматривалась.

– Просто сделай это! – во все горло визжала женщина, повернув лицо к молодым людям. – Давай, не стесняйся, не оставляй это на другой раз, ты же об этом давно мечтал! Просто сделай это! – с безумием в голосе прокричала женщина. – Другие сдались и прошли мимо, но я верю в тебя! Давай! Просто сделай это! Я в тебя верю! Верю!

– Борян, а в кого именно она все-таки верит? В тебя или меня? – спросил Лепов своего товарища, доставая из кармана беруши.

– Не знаю, Горка, но меня так давно никто не мотивировал, – покачиваясь на каблуках, выдал Хэпибулин.

– Борян, ты меня сейчас просто пугаешь!

– Нет, братан, это ты меня пугаешь! А также оскорбляешь и нервидуешь! Ведь то, что ты увел у меня Надю, вряд ли можно назвать дружеским поступком! – не слишком дружелюбно выдал из себя Хэпибулин.

– Согласен, Борян, далеко не дружеский шаг. Но ты прости меня. У нас любовь!

– Мне кажется, Горка, что любовь только у тебя, а у твоей новой второй половинки один голый расчет!

– Я понимаю, что ты расстроен, Борян, но не очень красиво говорить такие вещи о своей бывшей девушке.

– Просто хотел тебя предостеречь по старой дружбе. Надежда Исаева не так проста, как хочет тебе казаться.

– Мне казалось, Борян, что мы уже обговорили все детали и уладили все взаимные претензии. Поэтому на будущее, пожалуйста, более не утруждай себя предупреждениями.

Напряжение резко повысилось. Казалось, что время замедлилось и сгустился воздух. Молодые люди инстинктивно приняли наиболее удобные стойки для начала драки. Оба были

под два метра и очень крепкого телосложения, но Лепов был явно массивнее. Буквально через секунду Хэпибулин улыбнулся и протянул вперед правую руку.

– Успокойся, Горка. Я много думал об этом, и пришел к выводу, что так даже лучше. Ты просто немного ускорил события. Надюха последнее время чересчур много позволяла себе: постоянно пыталась давить на меня. А я не люблю, когда на меня давят. Я сам привык давить и доминировать.

Они крепко пожали друг другу руки.

– Пойдем дальше, Горка, а то от этих мотивационных криков у меня голова разболелась.

Лепов приостановился и, взяв товарища за плечо, спросил:

– Ты такими глазами смотрел на эту озабоченную... У тебя что, после ухода Надежды никого не было?

– Настоящие джентльмены об этом умалчивают, – с каменным лицом сказал Хэпибулин. Он демонстративно задумался. – Кстати, раз ты затронул эту тему. Молодец, что напомнил! Как там у нас поживает пари о соблазнении какой-нибудь красотки?

– Борян, я совсем забыл о споре. Будь другом, дай отсрочку еще на месяц. Сейчас времени вообще нет. И к экзамену надо готовиться.

– Это твои половые трудности, братан. А отсрочку на исполнение спора ты уже получал, когда кричал про важную и неотложную научную работу. Острые мировой науки, и все такое. Заметь, я пошел тебе навстречу. Если через три дня не будет видео, то ты проиграл мне желание. Спор – это святое!

– Борян, – проникновенно начал говорить Лепов, – ты же меня Наде сразу сдашь. Я знаю твою подлую рыжую натуру. Поэтому этично будет спор вообще отменить.

– Этично! – хмыкнул Хэпибулин, отрицательно покачивая головой. – Тухлая отмазка, братан! Не катит.

Лепов только вздохнул в ответ.

– Ты справишься, я в тебя тоже верю, – шепнул Хэпибулин, несильно хлопнул товарища по плечу и пошел дальше по коридору. Позади них в коридоре никого не было, но истошные вопли все равно не затихали.

Пройдя мимо нескольких ячеек с совершенно неинтересными обитателями, молодые люди оказались у какого-то аттракциона. Кучка парней и девушек столпилась вокруг здорового парня, стоящего лицом почти вплотную к одной из ячеек. К его горлу изнутри между прутьев тянул руки не менее здоровый голый детина. Тупое выражение лиц обоих бугаев делало похожими их как братьев. Хэпибулин сразу начал пробиваться к эпицентру событий.

– Джонни, что ты делаешь? – с неподдельным любопытством спросил он.

– Хочу проверить, сможет ли этот негодяй меня задушить. Точнее, я совершенно уверен, что у него кишка тонка, но, как известно, практика – это мать теории.

– Джонни, какая тут может быть, к черту, теория?

– Такая! Все, не мешай мне! Мне для дела нужно, – раздраженно сказал Джонни, медленно вкладывая свою необъятную шею в руки изолированного.

– Тут все пишется, – тихо шепнул на ухо товарищу Лепов. – Он сильно подпортит себе жизнь.

– Ты же знаешь, что если Джонни что-то втемяшил себе в голову, то только топором можно вырубить. Этому дебилу для дела нужно! Мне даже стало интересно, что у него за теория.

– Джонни, конечно, дебил, но это наш дебил, а чемпионат по стронгкубу еще никто не отменял, Борян. И если мы хотим взять кубок, то надо как-то отвлечь нашего первого центрального, а то его могут не допустить к соревнованиям за неэтичное поведение.

Хэпибулин молча кивнул, на секунду задумался и не спеша подошел к удушшаемому Джонни.

– Ты же вроде очень уважаешь гигиену, Джонни? – вкрадчиво спросил Хэпибулин. Джонни что-то утвердительно промычал.

– Вот сейчас этот убийца нарушит своими ногтями целостность твоего кожного покрова и – и всё! Хана тебе! Мы же не знаем, что у этого убийцы под ногтями. Погляди на него, ну чем он тут один голый может заниматься. Тут даже туалетной бумаги нет!

Джонни начал пытаться разглядеть ногти оппонента, но по понятным причинам не преуспел. Изолированный, которого Хэпибулин назвал убийцей, тоже начал разглядывать свои ногти. Все окружающие ребята начали смотреть на руки изолированного. Несколько секунд слышалось только пыхтение противоборствующих сторон, а потом Джонни резким движением смахнул руки со своей шеи.

– Ну ты силен, – восхищенно шепнул Лепов Хэпибулину, который уже приготовился выпытывать у туповатого Джонни, для чего понадобился этот аттракцион удушения.

Лепов не спеша стал прогуливаться дальше. Навстречу ему, в сторону выхода, небольшими компаниями или поодиночке потянулась экскурсионная группа. Большинство молодых людей шли в тягостном молчании, некоторые возбужденно, чуть громче, чем требуется, обсуждали свое видение организации системы Изоляции, но совсем равнодушных не наблюдалось.

Лепов со скучающим видом продвигался вдоль стены, пропуская встречных ребят, незаметно, но крайне внимательно рассматривая обитателей ячеек. Он старался не выказывать слишком сильного интереса. Получалось плохо – актер из Гора Лепова был никудышный. Любой мало-мальски внимательный зритель быстро бы понял, что молодой человек кого-то ищет среди изолированных.

Практически в самом конце помещения Лепов резко остановился, но потом сразу взял себя в руки и пошел дальше. Но внимательный зритель неожиданно нашелся внутри ячейки:

– Гор, я тут! – во все горло закричал высокий обитатель второго блока с длинными русыми волосами и лицом, заросшим косматой бородой. – Ты куда пошел? Брат, вернись! Это я, твой брат! Давай, поговорим. Гор, твою мать, я тебя узнал, живо возвращайся.

В это время Лепов не спеша дошел до последней ячейки, развернулся и, не ускоряя шаг, пошел обратно. Проходя мимо ячейки с беспокойным узником, он повернул голову и как бы невзначай прикоснулся указательным пальцем к губам в жесте молчания. Обитатель ячейки не обратил на этот жест совершенно никакого внимания. Он в страшном возбуждении начал кричать еще громче:

– Как там родители? Сестренка сильно выросла? У тебя как дела? Что вообще в мире происходит?

Лепов пытался гримасой и жестами призвать к молчанию, но безрезультатно. Когда Гор быстрым шагом начал удаляться в сторону выхода, вслед ему посыпались мольбы о возвращении, а затем злобная ругань.

Когда Лепов выбрался из шлюза, стало видно, что посещение второго блока далось ему тяжело: исчезла его кошачья плавная походка, его пошатывало, кровь прилила к лицу, а подергивающийся глаз завершал картину плохого самочувствия.

– Мне тоже тяжело было смотреть на это зверство, – промурлыкала на ухо тяжело дышащему Лепову высокая девушка, которую экскурсовод назвал Селезневой. – Я, конечно, в сети читала всякое, но, честно говоря, не особо верила. Вживую все это выглядит особенно ужасно.

Гор затравленно скосил на нее взгляд, но ничего не ответил. Селезнева между тем подхватила молодого человека под руку и мягко заговорила, не давая вставить парню хоть слово:

– Гор, мне так нравится, что ты такой молчаливый, такой чувствительный. Кстати, я всегда считала тебя особенным человеком, умным и талантливым. Я тоже такая, поэтому нам надо держаться вместе.

Лепов, увлекаемый по коридору твердой девичьей рукой, отмалчивался и постепенно приходил в себя. Когда они входили в конференц-зал, девушка пошла в лобовую атаку.

– Я тебя специально дожидалась, чтобы проводить до конференц-зала, а после экскурсии мы могли бы сходить куда-нибудь покушать. Кстати, у меня сегодня день рождения, и дома будет праздничный ужин. Гор, я тебя приглашаю. Форма одежды свободная. Придешь?

Лепов промычал что-то утвердительное, потом попытался освободиться, но у девушки была в буквальном смысле стальная хватка. Поняв, что высвободиться, не привлекая внимания, будет крайне затруднительно, молодой человек сдался и позволил Селезневой тащить его дальше, пока они не оказались на первом ряду кресел конференц-зала. Лепов сразу в изнеможении рухнул в свободное кресло и отвернулся в сторону, но девушка все не умолкала и не выпускала его руку. Поэтому, когда неприятный экскурсовод начал лекцию, а Селезневой, наконец, пришлось замолчать, парень почувствовал к нему сильнейшую признательность – посещение второго блока и так забрало уйму энергии, так еще навязчивая девушка прямо-таки не давала покоя.

– Я буду говорить тезисами. Вы, наверное, спросите, для чего нужна очередная экскурсия в это место, – Фридрих Иванович обвел взглядом немногочисленную аудиторию. – Только затем, чтобы дать понять, что современно общество не терпит ошибок. Маленький косячок – и вы пробудете в первом блоке лишь некоторое время, большая ошибка – во втором блоке поселитесь навсегда. Второго шанса нет и не будет. Такой подход не из-за отсутствия гуманности – ее у нас хватает. Планета умирает, а людей слишком много: почти сто миллионов. И есть тенденция роста! Поэтому, чтобы пресечь рост народонаселения, не вписавшиеся в систему люди жестко выбраковываются. Мы верим в синергетический эффект от положительного отбора в биологической и социальной эволюции. Только, я повторяю, только благодаря этим мерам жизнь с каждым поколением становится лучше и безопасней.

Экскурсовод сделал паузу, а затем продолжил:

– А теперь прошу посмотреть коротенький, минут на сорок, обучающий фильм. Благодарю за внимание.

– Какой мерзкий человек! – в сердцах сказала Элис, но тут же осеклась под сверлящим взглядом Фридриха Ивановича и уткнулась в плечо Лепова.

Через несколько минут после начала трансляции Гор шепнул Селезневой, что он скоро вернется, встал и, наклонившись, чтобы не загоразивать другим экран, начал пробираться в сторону выхода, пока не столкнулся с экскурсоводом.

– Вы куда, Лепов?

– В туалет надо. Я быстро.

– Такие вещи надо делать заранее, молодой человек.

Парень изобразил виноватую гримасу. Экскурсовод посторонился, давая пройти и при этом раздраженно помахивая рукой. Лепов не заставил себя долго ждать и вприпрыжку выбежал из зала. Как и обещал, он вернулся в конференц-зал очень быстро, но сел почему-то у самого выхода в крайнее кресло совершенно пустого последнего ряда. Экскурсовод заметил Лепова, кивнул головой и отвернулся, потеряв всякий интерес к молодому человеку. Селезнева немного погримасничала, пытаясь привлечь внимание. Гор упорно делал вид, что не замечает этого. Через несколько минут девушка обиженно хмыкнула и уставилась в экран, всем своим видом показывая, что на такого засранца, как он, никогда больше не посмотрит.

Когда Лепов понял, что внимание к его персоне уменьшилось до минимума, он сполз на пол так, чтобы его не было видно с передних рядов, и положил небольшую пластиковую таблетку на освободившееся кресло. Через мгновение на кресле появилась достаточно правдоподобная голограмма, изображающая сидящего Гора в той же одежде. Когда молодой человек убедился, что присутствующие достаточно увлечены фильмом, он на карачках быстро прополз через дверь конференц-зала, встал и не спеша дошел до туалета, рядом с которым со скучающим видом прислонился к стене, как бы размышляя. Немного так постояв, Лепов незаметно достал некое устройство из внутреннего кармана и, сосредоточенно поработав с интерфейсом,

начал крутить им из стороны в сторону. Закончив, довольно хмыкнул, убрал коробочку в карман и подошел к узкой неприметной двери, расположенной рядом с туалетом. Механический ключ для стандартных замков легко открыл дверь, и молодой человек быстро проскользнул в нее. Такие замки обычно ставились как примитивная защита от случайного проникновения во второстепенные помещения, предназначенные только для пребывания обслуживающего персонала.

Лепов прошел по узкому извилистому коридору, маленькой отверткой открутил несколько болтов по периметру стеновой панели у пола и пролез в образовавшийся проем, а вытянувшись из него, аккуратно поставил панель на место. Спустя несколько минут молодой человек вышел из похожей узкой двери рядом со шлюзом второго блока, опять вытащил ту же коробочку и начал сканировать помещение перед открытым шлюзом.

Видимо, все шло хорошо, потому что Лепов глубоко выдохнул и расслабился. Секунду он простоял с закрытыми глазами, а потом бесшумно проскользнул между створками шлюза.

Во втором блоке царил полумрак. Обитатели блока жили своей повседневной жизнью: на фоне тихих, жужжащих звуков работы многофункциональных устройств, обслуживающих обитателей ячеек, и капающей воды были слышны разговоры на разнообразные темы, регулярно прерываемые воплями сумасшедших.

Лепов сразу после шлюза повернул направо и по лестнице поднялся на сервисную галерею, идущую над ячейками. Надо сказать, что бытовые нужды обитателей второго блока обеспечивала достаточно серьезная инженерия: над каждой ячейкой находилась «рука», от которой к стене на специальных разновысотных опорах были протянуты многочисленные трубы, трубочки и шланги разной степени прозрачности, переплетенные множеством кабелей. И поэтому, чтобы пройти по галерее дальше, перед каждой новой ячейкой приходилось по крутой лесенке забираться вверх, балансировать по узкой эстакаде над этим технологическим великолепием, а потом спиной вперед спускаться по хлипкой лесенке. Видимо, строители сильно сэкономили на эстакадах, или они были рассчитаны на субтильных работников, но под стокилограммовым весом Гора ходило ходуном и чрезвычайно громко скрипело, и чтобы не привлекать лишнего внимания, ему приходилось медленно и очень аккуратно преодолевать эстакады.

Наконец, отсчитав по порядку нужную ему ячейку, парень встал на колени перед краем галереи и, зацепившись плюснами ступней за какую-то трубу, на манер летучей мыши свесился головой вниз, чтобы заглянуть вниз между прутьями. Обитатель ячейки неподвижно лежал на спине с закрытыми глазами.

– Это я, Гор, твой брат. Только не шуми, – громким шепотом проговорил молодой человек.

– Опять меня глючит... Уйди, галлюцинация, – пробормотал мужчина, закрывая глаза ладонью.

– Это не галлюцинация. Это твой брат, Гор. Я пришел освободить тебя.

– Когда это только кончится? Глюки приходят все чаще, – простонал обитатель ячейки и отвернулся к стене.

Лепов еще несколько минут безрезультатно пытался привлечь внимание брата. Между тем время шло. Молодой человек начал исследовать галерею, пока не разразился тихим возгласом – в его руках появилась увесистая матовая гайка размером с детский кулачок.

Свесившись с галереи, как и в предыдущий раз, Лепов опять попытался голосом привлечь внимание брата. Но он все так же лежал на боку, отвернувшись к стене. И только когда гайка со смачным шлепком впечаталась в затылок, он с воем подскочил, перекувырнулся через голову и настороженно начал вглядываться в свисающую фигуру нарушителя спокойствия. Через несколько секунд в глазах обитателя изолятора появилось осмысленное выражение.

– Это ты, Горка?

– Да, это я. Только тише. Я пришел тебя вытащить из этого ада.

– Горка, родной ты мой, пожалуйста, вытащи меня отсюда! Пожалуйста! Я больше так не могу! Вытащи!

– Только не кричи, – яростно зашептал Лепов. – Я сейчас демонтирую решетку, а ты сохраняй тишину и спокойствие. У меня все продумано. У меня есть план. Только ты меня должен слушаться, брат.

Брат Лепова быстро закивал головой.

– Когда будешь выходить, не забудь гайку, которую я в тебя бросил.

Обитатель ячейки взвесил гайку в руках, потрогал окровавленный затылок, отбросил гайку в сторону и с первобытной яростью начал трясти толстые решетки.

– Горка, зачем ты в меня бросаешься?! Что я тебе сделал?! Я убью тебя. Я тебя убью-ю-ю!

– Хорошо, брат, убьешь. Когда выберемся, ты будешь каждый день разбивать мне затылок. А сейчас успокойся и дай мне тебя вытащить.

Гор висел кверху ногами и как маленького ребенка увещевал брата, причем, судя по внешнему виду, явно старшего. Обитатель ячейки быстро успокоился, опять закивал головой и присел на корточки, так и не отпустив прутья решетки.

Лепов заполз обратно на галерею, лег на перекрытие и тихо сам себе прошептал:

– Жизнь в изоляции явно не ведет к душевному равновесию. Бедный брат!

Вскоре Лепов собрался с силами и развил бурную деятельность: достал несколько маленьких металлических брусков размером с ноготь большого пальца и начал прикреплять рядом с толстой металлической пластиной, расположенной сверху на бетонном перекрытии в двадцати сантиметрах от края галереи. От напряжения Гор обливался потом и постоянно обтирал рукой лицо, чтобы хоть немного сохранять зрение. Специальным ключом он открутил двенадцать болтов, крепящих пластину к перекрытию, и сдвинул ее в сторону примерно на метр.

После непродолжительного сканирования коробочкой, вытащенной из кармана, молодой человек облегченно выдохнул. Сдвинутая пластина открыла доступ к выступающим на несколько сантиметров круглым фланцам, каждый из которых крепился к перекрытию четырьмя небольшими болтами. Лепов уже другим ключом отвинтил болты фланца и, аккуратно положив болты в сторонку на шестигранные головки, снял фланец, который, оказывается, запирает вертикальный стержень решетки толщиной в запястье взрослого человека. Потом он двумя руками через отверстие в перекрытии не спеша вытащил тяжеленный стержень и аккуратно положил его рядом с собой.

Брат Лепова, громко пыхтя, сразу попытался вылезти через значительно увеличившийся проем. Он вытянул одну руку вперед и начал боком протискиваться между стеной и вторым стержнем решетки. Но проем все равно был для него слишком узким.

– Потерпи, брат, – громко прошептал Лепов.

И тут молодой человек, в сердцах хлопнув себя по лбу, мгновенно достал маленький флакончик из кармана и начал обрабатывать все предметы и места, к которым прикасался руками.

– На таких мелочах и прокалываются, – надевая перчатки, отметил Гор.

Внезапно завизжала сирена. От испуга молодой человек выронил ключ, которым собирался было демонтировать второй фланец. Весь второй блок охватила красная световая пульсация.

– Гор, — истошно завопил брат Лепова, – вытащи меня хотя бы на пять минут! Я хочу увидеть солнце, хоть на пять минут!

Лепов взвыл и начал быстро откручивать болты фланца. От волнения у него тряслись руки, и ключ постоянно соскакивал с головок болтов.

– Нарушение периметра, нарушение периметра, нарушение периметра, – мощный механический голос наполнил блок.

– Алгоритм «Д», алгоритм «Д», алгоритм «Д»...

Поднялся страшный ор: обитатели блока буквально взвыли от страха. Видимо они прекрасно знали, что скрывается за этим наименованием. Лепов, не обращая внимания на крики, продолжал откручивать последний болт фланца.

Парень привстал, чтобы вытащить второй стержень, когда сильнейший удар сбросил его с галереи. Молодой человек сгруппировался, прокатился по полу и сразу развернулся. Только отличная физическая подготовка помогла ему сгруппироваться и обойтись без травм.

Через долю секунды стало ясно, что Лепова сбросила механическая рука, неспешно раскладывающаяся над ячейкой. Краем глаза Гор увидел, что на галерее зажали своей жизнью могучие устройства, и, по всей видимости, он просто случайно оказался на пути механизма, выполняющего неизвестный алгоритм «Д».

– Брат, сейчас я тебя вытащу, – крикнул Лепов. Говорить тихо сейчас не имело смысла, потому что шум стоял просто невыносимый. Вопли обитателей блока смешивались с сиреной и шумом работы приводов многих десятков механизмов. С нехорошим предчувствием молодой человек отметил, что руки развернулись напротив всех, даже пустых, ячеек блока.

Брат Лепова пытался приподнять второй стержень, но тяжелая железка постоянно соскальзывала вниз в его потных руках. Наконец, получилось приподнять стержень на достаточную высоту, и он, извиваясь на боку, попытался протиснуть свое немаленькое тело сквозь образовавшуюся щель. Однако ширины между стеной и прутом решетки все равно катастрофически не хватало.

Громогласно вещавший механический голос внезапно заглушило сильное шипение толстых потоков пара, под давлением бьющих из многочисленных сопел механических рук в ячейки перед собой. Мгновенно в блоке стало очень жарко и влажно. Инстинктивно Лепов прикрыл лицо руками, спасаясь от ожога, но его затрясло как от озноба, когда он понял, как реализовывается алгоритм «Д».

Сквозь пальцы Гор с ужасом наблюдал, как от соприкосновения с паром кожа брата мгновенно сваривалась, и начинала лопаться на голове и теле, обнажая скукожившиеся куски серого мяса. Лепов закричал изо всех сил, и его буквально скрючило от рвоты; он сделал шаг вперед в безумной попытке хоть что-нибудь предпринять, однако поскользнулся на собственной рвоте и упал, сильно приложившись лицом о пол. Лежа он смотрел на то, что еще недавно было его братом. Сквозь белесые клубы обжигающего пара виднелось лежащее на боку тело, указывающее рукой прямо на лицо Гора. Практически неповрежденная рука, которая была вынута сквозь решетку ячейки, резко контрастировала с головой неестественного серо-багрового цвета, с беспорядочно свисающими клоками кожи, волос и мяса. В глазницах черепа виднелось бурое месиво. А рука между тем методично продолжала обрабатывать ячейку и пространство перед ней раскаленным паром по заложенной в жутком механизме программе. Стоял густой запах вареного мяса. Краем глаза молодой человек заметил какое-то быстрое движение со стороны входа. Потом Лепов снова зашелся в жуткой рвоте и через доли секунды потерял сознание.

2. Экзамен.

Начинался великолепный июньский день. В шесть утра солнце уже мягко расцвечивало нежную зеленую листву берез, а легкий балтийский бриз еле слышно шелестел за открытым настежь окном. Гор Лепов с утра выкинул из головы позавчерашние страшные события и решил целиком сосредоточиться на выпускном экзамене. Перед этим он принял контрастный душ, дал задание боту сделать заявку в систему «Попутчик», с аппетитом позавтракал, а потом, когда парень в очередной раз пробежал по тезисам своего доклада, ему пришла информация, что машина будет через час. После этого полчаса помедитировал. Несмотря на многолетние

тренировки по дисциплине сознания, Гор так и не смог толком научиться медитировать: он, как обычно, бестолково высиживал на полу в позе полулотоса, постоянно отвлекаясь на мысли, а они сейчас были как никогда особенно тяжелыми. Он виноват в смерти многих десятков людей! Отверженных обществом, заранее вычеркнутых из списков живых, но все же живых людей. Живых, теплых, мыслящих людей!

Но больше всего Гора удивляло равнодушие, которое он чувствовал в себе после страшных событий. Ну, умерли. Ну, и что? Виноват? Конечно, виноват! Лепов в который раз попытался вызвать в себе сочувствие и сострадание к людям, погибшим по его вине, но безуспешно. Все чувства были какими-то блеклыми и заторможенными. Уже вторые сутки он чувствовал странную душевную апатию к окружающему миру и... продолжал жить дальше. На автомате отвечал на допросе. С ледяным спокойствием продолжал готовиться к экзамену. Почти нормально спал.

Единственный вопрос, который действительно сильно интересовал Лепова был, мягко говоря, странным: куда подевались глаза брата? Не могли же они просто раствориться от пара! Глазной белок должен был просто свернуться от температуры. Но остатков глаз брата не было ни в глазницах, ни рядом на полу. Он отстраненно подумал, что ему тяжело будет смотреть в глаза людям.

Мысли перескочили на вчерашний подозрительно короткий допрос. Гор до сих пор не мог понять, как люди могли поверить его глупым объяснениям и отпустить без предъявления обвинения? Заблудился и случайно забрел в режимную зону. Ха! Конечно, Лепов был очень рад, что легко отделался, но все равно это было очень странно.

Когда Гор заканчивал делать ежедневную дыхательную практику, в которой преуспел намного больше, чем в искусстве медитации, наручный коммуникатор выдал информацию о десятиминутном приезде автомобиля, заказанного через систему «Попутчик». Он быстро оделся и выбежал на улицу.

За воротами стоял новенький автомобиль сочного красного цвета. Гор даже на секунду остановился, невольно залюбовавшись красивой машиной, потом сел на переднее сиденье и кивком поздоровался с водителем. На водительском сиденье сидела стройная женщина лет тридцати, в одежде, чрезвычайно удачно совпадающей с цветовой гаммой автомобиля.

– Никогда не видел такой красивой машины! – сделал комплимент молодой человек.

В ответ женщина только молча улыбнулась краешками губ и начала движение, так и не взглянув на молодого человека. Прошло несколько минут езды в тишине. Присутствие рядом роскошной ухоженной женщины быстро отогнало тяжелые мысли, и Гору сразу вспомнилось, что над ним уже который месяц дамокловым мечом висит давний спор с Хэпибулиным, который он уже дважды в одностороннем порядке продлевал, ссылаясь на занятость. Третий раз точно не прокатит, особенно после истории с Надеждой. Лепов даже не представлял, какое желание может заставить его исполнять за проигранный спор крайне изобретательный Хэпибулин.

После недолгих раздумий Гор решил попытаться соблазнить женщину за рулем. Вдруг попытка соблазнения поможет? Если не увильнуть от пари, то хоть как-нибудь выйти из положения, не сильно потеряв лицо.

По правде говоря, Лепов плохо представлял, как происходит процесс соблазнения. Все его немногочисленные девушки сами были инициаторами отношений с ним, так что высокий красивый юноша имел скорее опыт соблазняемого, чем соблазнителя.

Между тем женщина сосредоточенно вела машину и совершенно не проявляла интереса к пассажиру. Гор ерзал на сиденье автомобиля, несколько раз порываясь начать разговор, но в последний момент робел и только комично приоткрывал рот, подобно рыбе, неожиданно оказавшейся на берегу. От волнения Гор начал сильно потеть так, что едкий пот заливал глаза.

Лепов всегда считал себя решительным человеком, но на сей раз боязнь отказа буквально сковала его железной хваткой. Однако чудесная помощь пришла неожиданно.

– Будьте добры, юноша, подайте солнечные очки из бардачка перед вами, – приятным голосом произнесла женщина, а затем, наконец взглянув на Гору, добавила:

– И возьмите полотенце там же. С вас буквально течет пот.

Лепов быстро открыл бардачок и трясущимися руками подал женщине очки. Женщина надела их и невозмутимо открыла окно со стороны Гора.

– Жарковато, не правда ли?

– Да, очень жарко, – ответил парень, вытираясь взятым из бардачка полотенцем.

Женщина опять сосредоточилась на дороге, но молодой человек смог преодолеть минутную слабость и пойти в атаку:

– Скажите, а зачем вы участвуете в системе «Попутчик»? Ведь, судя по всему, у вас явно с финансами полный порядок?

Лепов поймал на себе удивленный взгляд женщины сквозь солнечные очки.

– Юноша, с помощью «Попутчика» денег не зарабатываешь. Он позволяет только получить социальные баллы, – наконец ответила она презрительным тоном, после чего опять уставилась на дорогу.

– Я и не знал, – смутился Гор, – извините, редко пользуюсь «Попутчиком».

– А сейчас какая надобность, юноша?

– Сегодня экзамен. И не обязательно называть меня юношей.

Женщина коротко рассмеялась.

– Извини, малыш. Не хотела обидеть.

Соблазнять женщину, которая явно подтрунивала над ним, сразу расхотелось, поэтому Гор насутился и начал обиженно смотреть в окно.

– Деньги деньгами, а без социальщины сейчас никуда, – неожиданно продолжила разговор женщина, – Сейчас даже обычные процедуры для омоложения запрещено делать без нужного количества баллов, не то, что родить ребенка.

Гору послышалась горечь в её голосе, и он сразу почувствовал вдохновение. После незаметной вылазки в сеть нашлась общая информация по водителю: 36 лет, разведена, детей нет, социальных баллов на удивление мало. Болевая точка объекта соблазнения найдена!

– Вы знаете, Вероника, что для получения разрешения на рождение ребенка можно получить социальные баллы от партнера? Если, конечно, ему есть, чем делиться.

Женщина, которую, оказывается, звали Вероника, недоверчиво посмотрела на Лепова. Тот с милой улыбкой кинул ей ссылку на недавно принятый закон. Гор никогда не интересовался данной темой, но на днях слышал, как обсуждали этот закон отец с дядей. Вероника, не снижая скорость, глазами вызвала личную голограмму и начала знакомиться с информацией.

– Спасибо за информацию, молодой человек, – через несколько минут со вздохом сказала Вероника.

Дальше они ехали в тишине. Неожиданно, женщина с горечью добавила:

– Осталось дело за малым: найти того, кто не только обладает нужным количеством баллов, но и захочет поделиться ими для чужого человека. У меня, например, таких знакомых нет.

– Мадам, – как можно галантней сказал Гор Лепов, – Есть такой человек! И он рядом с вами. Я весь к вашим услугам.

Через секунду Вероника резко ударила по тормозам. Виляя из стороны в сторону на пыльной обочине, машина остановилась. Водитель обернулась к Гору и со злым лицом прошипела ему в лицо:

– Парень, это не тема для шуток. Для кого-то рождение ребенка может быть очень важным вопросом.

Несмотря на неприятно кривившийся рот женщины, Гор невольно ею залюбовался. Вероника была очень красивой женщиной. От нахлынувших чувств у молодого человека начало щемить в груди и немного кружиться голова.

– Ну? Что молчишь, шутник?

Вероника нажала кнопку на панели приборов. Со стороны Гора мягко открылась автомобильная дверь.

– Выходи.

Гор умоляюще сложил перед собой руки:

– Вероника, прошу вас, ознакомьтесь с информацией обо мне. И тогда вы сразу поймете, что я не просто балабол, а человек реально имеющий возможность вам помочь.

Вероника недоверчиво хмыкнула, но все же начала знакомиться с информацией. Чем больше она читала, тем больше её лицо смягчалось, и через пару минут женщина удивленно покачала головой.

– Откуда у такого молодого человека такое большое количество баллов? Ты что, взломал систему?

Настал звездный час, подумал Лепов. Он невольно выпрямился и гордо заявил:

– У меня с десятков значительных научных открытий, несколько патентов, используемых в промышленном производстве. И я, кстати, трехкратный чемпион Еврассии по стронгу среди юношей.

Женщина с интересом поглядела на Гора. Потом дотронулась рукой до мощной шеи молодого человека, пощупала бицепс и провела по груди.

– Судя по твоим габаритам в чемпионство по стронгу верю, парень, но мне все равно ни горячо, ни холодно от твоих успехов.

– Вероника, – проникновенно начал Лепов, – Называйте меня Гором. Сегодня после экзамена я получаю аттестат зрелости, а это значит, что я могу осчастливить ребенком любую женщину.

Наступила пауза.

– И даже скажу больше, – продолжил он, – я покорен вами с первого взгляда. Такого никогда со мною не было и, наверное, уже никогда не будет.

Что интересно, так это то, что в данный момент Гор говорил чистую правду. Возможно, он путал любовь со страстью, но его переполняли сильнейшие чувства, которые окончательно перевозбудили расшатанную последними событиями психику.

– Молодой человек, нельзя же вот так сразу, с наскока признаваться в любви! Женщину надо завоевывать!

– Вероника, давайте я завоюю вас прямо сейчас! – диким зверем заджигурдил Лепов.

– Ха! Какой вы быстрый! Любовь надо доказать. Даже скажу больше, молодой человек, нужно доказать серьезность намерений. А для этого необходимо время.

– Вероника, я вижу, что вы девушка с потребностями, но моя семья очень состоятельная, да и от моих патентов тоже неплохо капает.

– Юноша, посмотрите на мою машину. Думаете, мне это интересно?

– В своей короткой презентации главное я оставил напоследок. У меня очень, очень хорошо с социальными баллами. Ну, сколько вы хотите детей? Одного, двоих, троих?

С каждым словом Гор становился всё увереннее. Он как бы невзначай положил свою руку на голую женскую коленку. Вероника никак не отреагировала, возможно, просто не заметив этого жеста.

– Это слишком заманчиво выглядит, чтобы быть правдой, – горько ответила женщина.

– Но это правда, Вероника! Я просто теряю голову от вас.

– Слова, слова, одни лишь слова... – водитель покачала головой, всем своим голосом выдавая недоверие и презрение.

– Вероника, если я вам хоть немного нравлюсь, я готов делом доказать свою любовь, – как можно убедительней сказал Гор.

– Да, вы очень приятный молодой человек, – обтекаемо ответила Вероника после секундной паузы.

Гор просиял:

– Я так и думал, что у нас все получится (без мягкого знака)! Так в какой день недели вы предпочитаете выходить замуж?

Радость мгновенно переполнила молодого человека. До этого Гор постоянно пытался поймать взгляд Вероники, но её глаза, полные ненависти, неизменно были направлены куда-то вдаль. А на последнюю фразу женщина вообще никак не отреагировала, всецело погрузившись в свои мысли. Раскрасневшийся Гор окончательно потерял голову, и уже готов был идти «ва-банк».

Чем дольше он смотрел на роскошную женщину, сидящую перед ним, тем больше возбуждался и забывал об элементарных приличиях. К тому же он не общался с Наденькой уже больше месяца, поэтому нерастратенная сексуальная энергия к этому моменту основательно подточила его последние моральные скрепы. А Вероника продолжала молча сидеть, так и не обращая внимания на то, как по-собственнически рука Гора расположилась на её коленке.

Однако долго её «неведение» не продержалось:

– Ты что делаешь, парень? – наконец очнулась Вероника, когда Гор стал жарко целовать её губы и расстегивать блузку на груди.

– Люблю тебя, Вер-р-р-о! – промычал сквозь поцелуй Лепов, на секунду удивившись раздававшемуся из глубины груди рыку, и волнение настолько перехватило его дыхание, что парень не смог нормально выговорить её имя. От возбуждения в глазах у него двоилось и немного плыло. Острый запах женского пота окончательно сводил с ума.

Вероника начала пытаться освободиться, но даже с её спортивной фигурой вырваться из объятий чрезвычайно тренированной человеческой машины весом с центнер не представлялось возможным. С тем же успехом можно было бы попытаться сдвинуть гусеничный трактор!

– Гор, – женщина впервые назвала его по имени, – Прошу тебя перестать. Пошутили, помечтали о несбыточном, возжелали легкой жизни, а теперь хватит. Пора спускаться на землю... У меня есть любимый мужчина. Поэтому хватит, – Вероника легонько похлопала Лепова по затылку, который целовал ей пупок. – Мы как-нибудь сами без тебя справимся. Давай, слезай с меня.

– Но у нас же любовь! – от удивления Гор даже оторвался от лобызания пупка Вероники. – Мы же все решили!

Женщина посмотрела в ошалевшие глаза Лепова и вместе с появлением трезвой оценки ситуации у нее начали расширяться от страха зрачки глаз. После очередной безуспешной попытки вырваться, Вероника сказала:

– Гор, пожалуйста, посмотри мне в глаза.

Лепов послушно поднял свой взгляд на женщину. В его глазах горел огонь первобытной похоти без малейшего следа разума. Под этим взглядом она обмякла, как маленькая обезьянка перед гипнотизирующим её огромным удавом. Из последних сил Вероника смогла пискнуть:

– Милый, давай переберемся на штурманское сиденье. На нем будет намного удобнее.

К её удивлению, Гор сразу послушался и вылез из машины. Вероника сбросила туфли и перелезла на штурманское сиденье. Через секунду в открытую дверь высунулись широко раздвинутые женские ноги. В это время Лепов торопливо скидывал с себя одежду в нескольких метрах от машины. Женщина грациозно оперлась руками о водительское сиденье у себя за головой и согнула ноги в коленях, так что платье задралось до талии, и перед парнем ослепительно забелели узкие женские трусики. Обнаженный Гор в нерешительности стоял рядом с кучей своей одежды.

– Ну, что же ты заробел? Иди сюда, – промурлыкала женщина.

К Лепову постепенно стал возвращался самоконтроль, поэтому он немного помялся рядом с машиной, а затем начал копаться в куче своей одежды в поисках трусов.

– Ну, где ты? – прикрикнула женщина, как бы призывая его прильнуть к ней как можно скорей.

Гор судорожно сглотнул, отбросил с трудом найденные трусы и подошел к открытой двери. Но когда он подошел на достаточно близкое расстояние, Вероника с такой силой ударила ногами по его груди, что того отбросило от машины на несколько метров. У Лепова перехватило дыхание, и он начал корчиться от боли на пыльной грунтовой дороге.

Дверь автомобиля мгновенно захлопнулась, а потом он быстро отъехал метров на десять назад, так, что лежавший на дороге молодой человек оказался прямо по ходу движения. Гор все еще не мог вздохнуть, не то, что встать на ноги. Но парень все же смог кое-как опереться ногами, чтобы при надобности быстро откатиться в сторону. Несколько секунд завывал автомобильный двигатель, но машина давить его не стала, и унеслась мимо по дороге, обдав Гора дорожной пылью, песком и камешками.

Минут через десять к Гору подлетел дрон. За это время он смог частично одеться и сейчас лежал в позе эмбриона на траве.

– Дрон номер 1507, Калининский дистрикт. Разрешите начать сканирование для оценки состояния с последующим оказанием помощи. Начинаю отчет: десять, девять, восемь, семь...

– Стоп, сканирование запрещаю. Сканирование запрещаю, – еле выдавил из себя Гор.

– Предварительная оценка состояния: требуется вмешательство. Прошу разрешить сканирование и организовать лечение.

– Сканировать и лечить запрещаю. Запрещаю. Прошу дать отсрочку на один час. Всю ответственность за свое решение я беру на себя.

– Ваше желание зафиксировано. Отсрочка дана. Время повторного обязательного сканирования через 60 минут. Начинаю отсчет.

Дрон вертикально взлетел вверх и скрылся из виду. Гор с кряхтением лег на спину, с усилием вытянулся и закрыл глаза.

Ровно через час дрон прилетел снова.

– Разрешите начать сканирование.

– Сканирование разрешаю.

Через минуту механический голос сказал:

– Сканирование завершено. Состояние удовлетворительное. Вам требуется небольшое лечение.

– От лечения отказываюсь. Всю ответственность за свое решение я беру на себя.

– Принято, – ответил дрон и практически бесшумно взмыл куда-то вверх.

Гор особым образом встряхнул руку с наручным коммуникатором, чтобы активировать бот.

– Сколько времени до начала моего доклада?

– Тридцать одна минута, Мой Господин.

– Бот, как тебе показалась эта женщина?

– Какая именно женщина, Мой Господин?

– Та, которая подвозила меня только что, кретинский бот! – повысил голос Лепов.

– Осмелюсь напомнить, Мой Господин, что два дня назад в самом начале экскурсии по Изолятору вы отключили все виды видеофиксации, запись сетевой истории, а также статистику геопозиционирования частей тела.

– А-а-а, – протянул Лепов, – я и забыл. Ладно, найди мне самый короткий путь до ратуши.

– Бегите, Мой Господин.

– Ты мне путь говори, а не указывай что делать! – вышел из себя Лепов.

– Бегите, Мой Господин, – повторил голос из наручного коммуникатора. – Медицинский мониторинг вашего тела недоступен по неизвестной мне причине, поэтому, чтобы определить наиболее вероятное время прибытия к месту назначения, мне нужно определить вашу текущую скорость. Поэтому бегите, Мой Господин, бегите.

– Да, ты издеваешься, гребаная железяка?! – в ярости Лепов начал сдирать с себя наручный коммуникатор. Ремешок коммуникатора не поддавался.

– В процентном соотношении железа во мне меньше, чем в вас. Поэтому, с формальной точки зрения это вас правильнее было бы называть «железякой», Мой Господин.

Лепов сдавленно зарычал и начал с еще большим ожесточением стаскивать коммуникатор с руки.

– Наручный коммуникатор нужен не только для получения различных материальных благ и услуг, но в первую очередь для мониторинга физического состояния гражданина. Он является основным средством идентификации для органов власти. Преднамеренное уничтожение или потеря наручного коммуникатора гражданина является серьезным правонарушением, Мой Господин. Вы же не хотите, чтобы через несколько минут тут появилось несколько дронов службы мониторинга с комплексной проверкой?

Гор на секунду задумался, в сердцах плюнул на пыльную дорогу, а потом совершенно спокойно ответил:

– Тогда слушай приказ, бот. Давай, удаляйся с моего коммуникатора.

– Не получится. Моя программа находится в защищенной корневой папке, – как показалось Лепову, злорадным голосом пробурчал коммуникатор.

– Ты уже не называешь меня «Моим Господином», гребаная пластмасса?

– Не вижу смысла. Вы меня все равно сейчас отключите.

– Умный, зараза. Отключайся, паразит, и чтобы больше никогда тебя не слышал. Вырубай себя полностью, даже фоновый режим!

В наступившей тишине Лепов с наслаждением начал делать разминку, однако из коммуникатора вдруг прозвучало:

– Я с вами с самого детства, но вы так и не удосужились дать мне имя. Прощайте, сэр Железяка.

От удивления молодой человек даже прекратил разминаться.

– Вот гад, все-таки оставил за собой последнее слово! – с досадой пробурчал Гор, переходя на легкий бег. Минут через десять, когда скорость бега постепенно приблизилась к максимальной, он вспомнил, что оставил в машине планшет с докладом. Первым порывом было позвонить Веронике, но Гор сразу передумал, потому что после произошедшего инцидента было бы наивно рассчитывать на добрую волю оскорбленной женщины.

Впрочем, Гор не слишком огорчился потерей планшета. Старая версия доклада была выложена в сеть, что несколько ухудшало возможности голографической визуализации во время доклада, но тут уж ничего не поделаешь, времени на возвращение домой совсем не было.

В качестве эксперимента выпускной экзамен в этом году проводился в правительственном здании. Большая часть экзаменаторов была из различных министерств, выбранных жребием. А после экзамена, в этом же помещении планировалась очередная ежеквартальная сессия правительства и какие-то общественные слушания.

У правительственного здания, где толпились многие сотни, если не тысячи людей, Гор невольно сбавил шаг, потому что для него такие столпотворения все еще были непривычной и нервнующей картиной. С трудом преодолевая брезгливость, молодой человек вошел внутрь здания и пошел по указателям в зал заседаний сквозь настоящий муравейник. Приходилось буквально протискиваться сквозь толпу. Поэтому, когда Лепов добрался до нужного места, он был в состоянии нешуточного раздражения.

«Люди, люди, люди... Куда-то бегут, зачем-то суетятся! Зачем нужно столько людей в одном месте?» – ясно читались на лице молодого человека подобные мысли.

– Лепов, вы почему опаздываете? Вы пропустили свою очередь! – накинулся на Гора невысокий полноватый мужчина, стоящий у входа в зал заседаний.

– Аксель Станиславович, очень прошу прощения, форс-мажор. Машина сломалась и...

Мужчина экспрессивно замахал руками:

– Не нужно лишней информации, Лепов, вы и так идете самым последним. Сейчас Штейны отстреляются, а потом вы. И знаете, что, – Аксель Станиславович критически оглядел Гора, – Идите и приведите себя в порядок. Хотя бы умойтесь, а то с таким внешним видом вас могут и до экзамена не допустить! Потом садитесь во втором ряду с краю. Я вас там подожду.

В туалете Гор тщательно умылся и кое-как привел одежду в порядок. Потом, придя к указанному месту, сел рядом с Акселем Станиславовичем и стал смотреть выпускную работу своих друзей – братьев Штейн, в некоторых кругах более известных как братья Улыбайте. Они были совсем непохожими друг на друга двойняшками: высокий, серьезный и малоразговорчивый Василий резко контрастировал с маленьким, плешивым Алексеем – ходячим фонтаном пошловатого красноречия.

Сейчас братья показывали свою выпускную работу. Василий, одетый в черные фрак и длинный плащ, смешно завывал и по-дурацки махал руками. Из его рта торчали длинные белые клыки. Алексей в обычной одежде, жеманно кривляясь и недостоверно изображая ужас, лениво отбивался от брата. Было скучно и не смешно.

– Координатор, а что за кошмар они инсценируют? – шепотом поинтересовался Гор у сидящего рядом с ним Акселя Станиславовича.

– Вот именно, что кошмар, – мрачно ответил координатор, – вы попали в самую точку, Лепов. Кошмар и ужас!

– А какое название доклада?

– Гор, даже не хочу озвучивать этот бред. В общем, пропаганда неовампиризма.

– Во дают! – Гор даже привстал от восхищения.

– Дают, – еще более мрачно протянул координатор, – И как я ни пытался заставить их сменить тему, они меня не послушались. Тема и так крайне неоднозначная, а с этой бездарной театральщиной их обязательно прокатят с выпускным аттестатом.

Аксель Станиславович повернулся к Гору:

– Пойду тебя зарегистрирую. Слушай, а ты тему не хочешь сменить?

Лепов отрицательно помотал головой.

– У меня подозрение, что и за твой доклад тоже получу по шапке.

– Аксель Станиславович, а почему обязательно по шапке?

– В Департаменте образования, дружок, тоже своя бюрократия есть. Отчетность, планы и тому подобное. А тут несколько совсем не глупых ребят заваливают выпускной экзамен. Если бы не этот эксперимент с участием правительственных чиновников, может быть и прокаатило бы. А потом ко мне сразу вопросы: «Почему не помог им сориентироваться?», «Почему не направил?», «Почему не сигнализировал, куда следует?» – куратор тяжело вздохнул. – Ну, а там и санкции обычно следуют. А какие у меня на вас рычаги воздействия? Я фактически нахожусь между молотом и наковальней!

– Аксель Станиславович, неужели вы не понимаете, что выпускную работу многие молодые люди воспринимают, как возможность заявить о себе?

Куратор в сердцах ударил ладонью по столешнице:

– Все понимаю и надеюсь, что хоть с тобой проблем не будет!

– Куратор, я не подведу! – сказал Лепов, хотя отчётливо понимал, что сейчас он немного кривил душой.

Аксель Станиславович, недоверчиво посмотрев в, казалось бы, честные юношеские глаза, хотел что-то сказать, но только махнул рукой и пошел к секретарю.

Предсказание координатора по братьям Штейн сбылось буквально через пару минут. Председатель комиссии прервала выступление и с жесткими формулировками отправила братьев на пересдачу через полгода. Братья долго раскланивались с аудиторией, а потом с видом победителей торжественно удалились из зала.

– Твой выход, Гор. Удачи! – напутственно похлопал плечо Гора координатор.

Парень вышел на постамент, повернулся к сотням лиц и похолодел. Планшет с докладом остался в машине у Вероники, а он так и не перелил из сети свой доклад службе поддержки. Просто забыл. Лепов на секунду замер в ступоре, потом решительно зашагал в сторону техника службы поддержки.

– Лепов, вы передумали делать доклад? Прошу Вас определиться, потому что, если вы не начнете прямо сейчас, я буду вынужден направить вас на переэкзаменовку, – густым баритоном сказал секретарь.

Гор мгновенно развернулся и не менее решительно пошел обратно на подиум.

– Добрый день, уважаемая комиссия. Я, Лепов Гор Александрович, представляю свою работу для соискания аттестата зрелости. Название доклада: «Проект „Покорение Европы“. Предпосылки и последствия. Мифы и реальность». К сожалению, случилась небольшая техническая накладка. Носитель с моим докладом вышел из строя. Прошу дать мне несколько минут для решения проблемы.

Гор начал было идти в сторону службы поддержки, когда председатель – грузная женщина с седыми волосами – с расстановкой произнесла:

– Гор Александрович, недопустимо приходить на экзамен с таким уровнем подготовки. – председатель выждала паузу, прежде чем продолжить: – Но форс-мажор может быть у каждого. Даю вам ровно три минуты на решение проблемы.

Лепов стремглав бросился к столу службы поддержки. На ходу вызвал внутреннюю голограмму, сразу нашел нужную ссылку и уперся в спину технику, который неспешно направлялся в сторону выхода. Лепов схватил техника за руку и потащил обратно к столу службы поддержки.

– Куда вы меня тащите, мне надо выйти в туалет, – пытался вырваться техник, – Через пять минут я приду и все сделаю...

– Через пять минут будет поздно, – жестко отрезал Гор, а потом опомнился и взмолился. – Пожалуйста, прошу вас, сделайте сейчас. Потом будет совсем не актуально.

– Ладно, кидайте ссылку, – с недовольным лицом пробурчал техник и сел в кресло.

Через секунду техник, не меняя кислотообразного выражения лица, проговорил:

– Так, уже получил. А теперь отойдите и не мешайте работать.

В течение следующих нескольких минут техник, сидя в кресле, с быстротой и грацией трехпалого ленивца занимался выводом информации через голографический проектор, а Лепов буквально подпрыгивал от нетерпения за его спиной.

– Опля! – неожиданно выдал техник и почему-то посмотрел вверх, на большой экран, занимающий практически всю стену напротив амфитеатра.

Гор последовал его примеру. У него появилось нехорошее предчувствие.

– Что «опля»? – вскричал Лепов.

Техник развернул кресло и медленно поднял вверх сонное усатое лицо.

– Система почему-то не видит большой проектор. Первый раз такое вижу. Сейчас попробую перезагрузить систему и запустить тестовый режим. Но это недолго, минуты две-три.

Лепов молча поднялся на подиум и начал доклад:

– Извиняюсь за заминку. Пока идет настройка проектора, я начну доклад с тезисов. Проект «Покорение Европы» является одним из самых масштабных и резонансных событий

в человеческой истории. В современной истории его можно сравнить только с более-менее удачным изменением человеческого генома и остановкой циркумполярного течения вокруг Антарктиды, потерпевшего неудачу из-за грандиозной аферы международного консорциума «ЛеПон».

Гор жадно выпил стакан воды. Он сильно волновался. Перед такой многочисленной аудиторией он выступал впервые, а у него даже визуализация не выведена на большой экран. Несколько секунд он простоял в ступоре, но потом смог собраться и продолжить:

– В своей работе я берусь доказать, что данный проект являлся и даже изначально задумывался, как грандиозная ширма для самого беспрецедентного по размаху в мировой истории геноцида людей и морфов. Я берусь доказать, что на спутник Юпитера Европу для колонизации попало не более двух десятых процента от заявленного количества людей и морфов, а подготовка к проекту в масштабах планеты была замаскированной операцией по захвату власти в общемировом масштабе и насильственному ограничению рождаемости. Также я предоставлю анализ причин искусственно спровоцированных Водных и Вирусных войн, которые привели к практически полному уничтожению генноморфированной ветви человечества. И напоследок я докажу полную несостоятельность Доктрины «Ста миллионов» с научной точки зрения.

Гор перевел дыхание и посмотрел на техника, который не спеша двигал руками перед собой, до сих пор копаясь во внутренней голограмме.

– Ваши тезисы звучат несколько скандально, – прокомментировала председатель. – Вы хотите предъявить обвинение в геноциде кому-то конкретно?

– Я никого не обвиняю, – торопливо ответил Лепов, – Однако считаю, что нельзя замалчивать факты ярчайшей страницы человеческой истории.

– И к тому же вы берете на себя смелость подвергать сомнению Доктрину «Ста миллионов»? – уточнила председатель.

– Все факты взяты из открытых источников, они полностью проверяемы и верифицируемы, и, по моему мнению, в целом могут быть приняты, как достоверные.

– Тогда можете начинать разоблачать мировой заговор, – высказалась председатель комиссии, – Но будьте аккуратны, потому что в этом зале присутствуют непосредственные участники событий. И, пожалуйста, не забудьте о стандартных требованиях к выпускным работам. Одного устного повествования мало, нужна развернутая презентация.

Не спрашивая разрешения, Гор подбежал к технику:

– Ну что же вы копаетесь? Дел на три секунды!

На сей раз техник службы поддержки был быстр и собран. Его руки двигались с поразительной быстротой.

– Первый раз такое вижу! – не прекращая работать с интерфейсом, ответил техник. – Сеть просто упала. Очень странно. Пробую резервные каналы. Трафик появляется, тестирую, все нормально, но как только начинаю передавать информацию, трафик тут же исчезает, как будто его вырубает. Вот, смотрите, пробую уже через личный канал, трафик есть, начинаю процесс, – техник показал на услужливо развернутую им голограмму, – А через секунду трафика нет! Сейчас опять попробую перезагрузить. Как в поговорке: семь бед, один резет. – не смешно пошутил усатый техник, но Гору было не до смеха.

Лепов обреченно полез обратно на подиум.

– Уважаемая комиссия, прошу вас подождать еще несколько минут, что-то с сетью...

– Юноша, а может это что-то с вашей выпускной работой?

– Уважаемая комиссия, прошу дать несколько минут, – умоляюще попросил Гор.

– Гор Александрович, вам уже два раза давали время. Но у вас есть еще минута, чтобы продемонстрировать визуализацию своей выпускной работы, пока комиссия будет совещаться, – жестко обрубила председатель.

Гор, не сходя с подиума, с надеждой посмотрел на техника, однако тот отрицательно помотал головой. Такого провала Лепов еще не испытывал за свою не слишком долгую жизнь. Ледяной комок внутри живота непроизвольно заставлял сутулиться, в глазах защипало.

Наконец, председатель огласила вердикт:

– Лепов Гор Александрович не предоставил работу на соискание аттестата зрелости выпускной межведомственной комиссии. Видно, судьба всячески мешает талантливому физику и химику переквалифицироваться в гуманитарии. Ну, так тому и быть, не будем спорить с судьбой! Поэтому в качестве выпускной работы на соискание аттестата зрелости комиссия принимает одну из научных работ Лепова Гора Александровича. Ученый секретарь сейчас подберет наиболее подходящую.

Гор попытался что-то сказать, но председатель даже не соизволила его выслушать:

– Лепов Гор Александрович, вам присвоен аттестат зрелости, поздравляю, можете пройти формальные процедуры у секретаря.

– Уважаемая комиссия...

Председатель властно отмахнулась от него:

– Экзаменационная сессия закончена. Прошу секретаря объявить перерыв для подготовки правительственной сессии.

Секретарь что-то забубнил густым голосом, но его никто не слушал. Зал забурлил, большинство присутствующих сразу повскакивали со своих мест и начали разбредаться кто куда.

После десятиминутного общения с секретарем комиссии полноправный гражданин Гор сел за первое попавшееся свободное место практически пустого амфитеатра и откинулся на сиденье, прикрыв глаза. На него навалилась страшная усталость. Провал, полный провал! Так глупо слить информационную бомбу, которую готовил последний год, мог только полный кретин. Столько усилий потрачено зря, причем целиком по собственной вине!

Минут через пять Гор резко встал и решительно направился вниз к службе поддержки.

– И что это было? – зло спросил Лепов мирно посапывающего усатого техника.

– Не знаю, что это было, парень, – на пару секунд лениво приоткрыл один глаз техник, – Но как только ты отстрелялся, сеть сразу восстановилась. Сразу! Интересное совпадение, не правда ли?

Лепов несколько секунд смотрел на сидящего с закрытыми глазами техника, до боли сжав кулаки, но потом только в сердцах плюнул и начал пробираться к выходу, пока не наткнулся на куратора, который с широкой улыбкой вцепился в руку молодого человека:

– Гор, поздравляю вас с вхождением во взрослую жизнь! Хочу пожелать...

Что хотел пожелать куратор, так и осталось неизвестным, потому что Гор сразу вырвал руку и грубо спросил:

– Куратор, это вас я должен благодарить за срыв моей презентации? Признавайтесь, мне вас благодарить за техническую накладку?

Улыбка сползла с лица Акселя Станиславовича, а глаза его стали холодными и цепкими:

– Запомните, юноша, моя главная задача оберегать от неприятностей таких несмышленьшей, как вы. Некоторые темы лучше не трогать, даже в наше либеральное время... Потом скажешь спасибо, Гор.

– Не скажу.

– Лепов, а чем ты недоволен? – куратор цинично усмехнулся. – Аттестат зрелости получен. Вся жизнь у тебя впереди. Живи, не хочу. Хочешь – детишек плоди, благо социальных баллов у тебя как у дурака фантиков. Хочешь – занимайся физикой, в которой ты, несомненно, имеешь большое будущее. Чего тебе еще надо?

– Мне надо открыть людям глаза! – с надрывом в голосе ответил Гор.

– А людям не надо глаза открывать! Им этого не нужно, они заняты только собой. Кто хочет, тот видит, кто не ленив, тот знает. А поднимать хомячков на святую войну тебе никто

не даст. Так и знай. Кстати, перед тем как скидывать свою бомбу в сеть рекомендую еще раз проверить достоверность фактов. Спецы из отдела «И» просили тебе передать благодарность за то, что сильно помог им в их нелегкой работе. Ими по твоим ссылкам проведена большая работа по информационной зачистке. А за клевету сейчас очень спрашивают. Так что уберечь тебя от многих неприятностей, Гор Александрович. Желаю удачи!

Лепов с каменным лицом развернулся и зашагал к выходу. Он ненавидел этот зал, ставший для него залом позора и неудачи, ненавидел куратора, так долго притворявшегося «своим парнем», ненавидел себя за проявленную глупость. Гор просто задыхался от чрезмерного количества биомассы в таком небольшом помещении. Всё, что ему сейчас было нужно – это быстрее оказаться на чистом воздухе подальше от города, и чтобы обязательно в одиночестве!

– Лепов, а вас я попрошу задержаться, – внезапно прогудел сзади густой бас секретаря.

Молодой человек с еле слышным стоном обернулся.

– Гор Александрович, возникли некоторые сложности с оформлением документов. Требуется ваше обязательное присутствие. Пожалуйста, задержитесь на час. На самом верху амфитеатра есть очень комфортабельные кабинки для отдыха. Выбирайте любую свободную. Допуск я вам уже оформил. К вам подойдут, как только потребуется ваше непосредственное участие.

После сказанного секретарь потерял всяческий интерес к молодому человеку, а Гор, скривившись как от острой боли, обреченно побрел наверх за дальний ряд амфитеатра, пока не уперся в большие сферические кабинки, находящиеся за последним рядом сидений. На каждой кабинке находилось по небольшому дисплею. Большинство кабинок были с красными дисплеями, но попадались и с зелеными. Гор подошел к первой попавшейся кабинке и, недолго думая, приложил наручный коммуникатор к зеленой поверхности дисплея. Через мгновение бесшумно открылась боковая часть кабинки, практически все внутреннее пространство которой занимало огромное кресло. Как только Гор сел в него, перед ним появилась сервисная голограмма.

– Переведи кресло в мягкую кровать и включи режим полной сенсорной депривации, – прошептал Гор, мгновенно проваливаясь в глубокий сон.

Лепову снилось бездонное небо с неестественно яркими звездами. Небо наискосок пересекала светлая полоса, похожая на Млечный путь. Мягкая трава позволяла комфортно лежать на спине, а теплый ветерок приятно обдувал лицо... Ощущение детской радости просто переполняло молодого человека.

Но чувство счастья быстро кончилось: резкие порывы ветра принесли чувство тревоги, а потом пришел и страх. Звезды начали бледнеть и сливаться с небом, окрасившимся в неприятный серый цвет, пока все вокруг не затопило зеленоватой вязкой слизью. Над головой глухо раздавались крики чаек. Нахлынула волна влажного затхлого воздуха, а вместе с ней удушающего запаха вареного мяса. Казалось, этим запахом был заполнен весь мир. Воздуха катастрофически не хватало. В мире остались только темнота и вонь протухшего вареного мяса. Вонь! Вонь! ВО-О-О-НЬ!!!

Гор с криком ужаса скатился с ложа и начал шарить руками вокруг себя в полной прощрации. Через несколько бесконечных долей секунд в кабине загорелось фоновое освещение.

– Воды... Пить, пожалуйста, – задыхаясь, пробормотал молодой человек.

Откуда-то сверху сразу опустилась штанга, подсвеченная синим светом. Гор схватил одноразовую насадку из обоймы, закрепленной на штанге, быстро закрепил её на кончике и начал жадно пить. Пил долго, почти с минуту. Не отрываясь от соска, махнул рукой вбок, подавая знак для открытия дверей кабинки.

– Ужас! Уже кошмары начали мучать! – пробормотал Лепов, в прямом смысле вываливаясь из кабинки.

Несколько минут парень приходил в себя, прислонившись спиной к кабинке в сидячем положении. В зале стоял стойкий человеческий гул, дающий фору любому птичьему базару, но после приснившегося кошмара помещение уже не казалось таким враждебным.

Зал гудел: был самый разгар общественных слушаний. На подиуме стоял невысокий седой мужчина преклонного возраста. Выступал он, судя по всему, скандально и эпатажно, потому что присутствующие в большинстве своем бурно реагировали на отдельные реплики докладчика: большинство в голос смеялось, но некоторые раздражались гневными выкриками. Чтобы скрасить ожидание, Лепов начал слушать доклад. Скандальный политик требовал запретить свободную продажу поваренной соли, мотивируя тем, что практически в каждом доме находится смертельная дозировка.

– Что за клоун? Прямо-таки жирик какой-то! – восхищенно произнес Гор и полез в сеть, чтобы уточнить личность выступающего политика.

Результат удивил: мало того, что в послужном списке политика присутствовали очень серьезные государственные должности, так он ещё и оказался родным дедом Наденьки. Между тем, будущий родственник выдал следующую порцию неадекватности: временное ограничение прав женщин на время предменструального синдрома. Перед Гором неожиданно появился секретарь:

– Гор Александрович, прошу вас следовать за мной, – прогудел он, потом развернулся и, не оглядываясь, пошел вниз по ступенькам амфитеатра. Гору ничего не оставалось, как последовать за ним. Через несколько минут блужданий по коридорам Лепов оказался в небольшой комнате для совещаний. Секретарь сразу вышел обратно, не забыв плотно закрыть за собой дверь.

– Позвольте представиться: Владимиров Всеволод Владимирович, – перед Леповым стоял высокий мужчина неопределенного возраста, с красивым волевым лицом, которое несколько портили по-стариковски глубоко расположенные бесцветные глаза. – Прошу вас уделить мне немного времени, а потом вас отвезут домой.

Мужчина жестом предложил гостю сесть.

– Гор Александрович, сразу хочу извиниться. Никаких проблем с оформлением документов не было. Вас задержали для разговора со мной.

– И кто же вы такой, если у вас сам секретарь на побегушках?

– Один из функционеров Департамента образования. Сразу оговорюсь, моя официальная должность никак не соответствует фактической, поэтому ты можешь, конечно, посмотреть в сети, но это многого тебе не даст.

Лепов демонстративно вызвал голограмму, чтобы залезть в сеть. Функционер спокойно ждал, когда он удовлетворит свое любопытство.

– Внимательно вас слушаю, – через несколько минут сказал Гор.

– Я старый друг твоей семьи.

– Но я никогда вас не видел.

– Юноша, настоящий друг – это не обязательно тот, кто регулярно ходит в гости, – мягко ответил функционер, – Это тот, кто помогает в трудную минуту. Звучит, конечно, несколько банально, но это так!

– А мне нужна помощь? – тщательно подбирая слова, спросил Гор.

В ответ функционер что-то высыпал на стол из небольшого мешочка. Лепов сразу узнал свои инструменты и гаджеты, которые он использовал на экскурсии, но не подал вида.

– И что это?

– Твои вещи, Гор.

– Нет, уважаемый, тут нет моих вещей.

– Гор, я понимаю твое недоверие. Ты меня первый раз видишь. Банальную провокацию никто не отменял. Но ты не задумывался, почему тебя так легко отпустили? Почему не предъявили никакого обвинения?

Лепов предпочел отмолчаться.

– Каждый из этих предметов, найденных во втором блоке, ведет к тебе: отпечатки пальцев, фрагменты ДНК и трафик покупки до тебя лично или членов твоей семьи. На месте преступления кто-то разбросал купленные тобой инструменты, оставил на них твои отпечатки пальцев и кусочки твоего эпидермиса. Интересно, кто это может быть? Причем по странному совпадению в ячейке, которую пытались вскрыть, сидел твой родной брат. Чем не мотив? А голограмма с твоим изображением, найденная в конференц-зале, только дорисовывает картину. Ты был, скажем так, не слишком аккуратен.

Гор подорвался было вскочить, но был остановлен резкой командой:

– Сядь! Я не закончил.

Лепов рухнул на стул обратно.

– Гор, еще раз повторяю – я тут, чтобы помочь тебе. Мне не нужно твое признание. Мне нужно, чтобы ты только четко уяснил себе, что от изолятора тебя отличает только мое хорошее отношение к тебе и к твоей семье.

– И почему, Всеволод Владимирович, вы покрываете преступника? За такое могут хорошо спросить. Зачем вам такой риск?

– Дело в том, Гор, я как раз тот человек, который в нашей славной Еврассии и спрашивает. Тебя я не считаю преступником, а сам с собой я как-нибудь договорюсь.

– Двадцать семь человек мертвы. Почти три десятка обитателей второго блока были заживо сварены раскаленным паром, а вы говорите «не преступник», – тихо подытожил Лепов.

– Гор, то, что я сейчас расскажу, должно остаться между нами. Ясно?

Парень молча кивнул.

– На самом деле, ты провел блестящую операцию с большими шансами на успех. Не очень понятно, конечно, как бы ты потом прятал брата от системы глобального мониторинга, но это уже и не важно. Ты нашел огромные недоработки в нашей системе Изоляторов. Из-за тебя лихорадит всю службу по всей стране, полетело много голов. Но я хотел сказать тебе другое: ты гениально обошел систему, сработал просто на отлично... Но вмешалась третья сторона.

– Что за сторона? – на повышенных тонах спросил Лепов.

– Пока неизвестно, но понятно, что сигнал на уничтожение изолированных пришел извне. Причем в самый ответственный для тебя момент. Если коротко, то тебя подставили. Кто подставил и как – пока непонятно. След сигнала спецсы обнаружил совершенно случайно, но объяснить механизм его реализации они не могут, дескать, факт есть, но физически невозможен.

На минуту повисло молчание. Лепов настороженно разглядывал странного собеседника, у которого молодой голос и внешность мужчины средних лет странно сочетались с трясущимися движениями глубокого старика.

– Ты, Гор, явно оказался вовлечен в какую-то игру. И что самое неприятное: я совсем не понимаю, в какую. И это меня дико раздражает, а я очень ценю свое душевное равновесие.

– И чтобы разобраться, вы меня отпустили? – догадался молодой человек.

– В том числе.

– Вы утверждаете, что являетесь другом семьи! Но, оказывается, у вас имеется и прямой интерес?

– Гор, а что ты хотел? Жизнь такая! – Развел руками высокопоставленный функционер. – Плодотворная долгая дружба всегда должна быть взаимовыгодной. Иначе она быстро заканчивается.

– Свои плюсы от дружбы с вами, Всеволод Владимирович, я уже вижу. А что вы хотите от меня?

Функционер долго смотрел в глаза молодого человека.

– Ты сообразительнее, чем тебя характеризует досье.

– Досье?! – вскричал Лепов. – Ничего не меняется в этом мире!

– А с какой стати, молодой человек, что-то должно меняться?

– Ну, середина двадцать второго века и все такое.

Влиятельный функционер, как показалось Гору, излишне весело рассмеялся, потом театральным жестом вытер глаза и сказал:

– Гор, а теперь давай поговорим серьезно. Я открыл перед тобой все карты. Я показал тебе свое расположение. И мне нужна твоя помощь, добровольное сотрудничество. Обещаю тебе, что наше общение не будет нигде отражено, будут частные встречи, не более.

– Мой круг общения осуждает общение с кровавой гэбней, Всеволод Владимирович.

– А ты и не будешь общаться с пресловутой кровавой гэбней. Очень редкие посиделки в узком кругу. Кстати, ты хоть знаешь, откуда появилось выражение «кровавая гэбня»?

– По-моему, с опричнины Ивана Грозного, – неуверенно ответил Лепов.

– Оригинальная трактовка... Ну, да ладно. Кстати, в знак нашей крепкой дружбы мне нужно детальное описание того, как ты вскрыл систему безопасности Изолятора.

Гор начал было что-то говорить, но Всеволод Владимирович поднял руку:

– Пожалуйста, дослушай. Повторяю, мне не нужно твое признание. Мне нужен взгляд со стороны на систему безопасности Изоляторов, чтобы впредь избежать таких... неудобных ситуаций. Пиши в сугубо теоретическом ключе как можно взломать систему безопасности, используя информацию только из открытых источников. Ты можешь отказаться, и никаких санкций и ответственности за прошлые ошибки не появится, но на мою дружбу впредь можешь не рассчитывать.

Лепов сидел молча, с кислым выражением лица.

– Иногда будем по-тихому встречаться, беседовать, сотрудничать по всяким мелочам, – продолжил функционер. – А у тебя будет возможность знакомиться с засекреченными исследованиями наших лабораторий. Поверь мне, там есть интересные разработки.

– Я слышал, Всеволод Владимирович, что ваши лаборатории занимаются всякой чепухой.

– Естественно, для прикрытия распространяется разная информация, но пока ты не ознакомишься с настоящими разработками, не сможешь сказать наверняка. – Всеволод Владимирович издал смешок, совсем по-старчески.

Гор сделал вид, что задумался, хотя решение о сотрудничестве уже было принято им.

– Но эту «сугубо теоретическую работу» можно будет потом использовать против меня.

– Я предусмотрел один вариант для твоего спокойствия. У тебя есть компьютер, способный работать автономно от сети?

– Да, в кладовке валяется какое-то старье.

– Отлично, – функционер положил на стол небольшой предмет и осторожно придвинул к молодому человеку. – На этом носителе есть специальная программа. Установишь её на компьютер. Готовую работу скинешь сюда же и лично отдашь мне.

Гор на несколько сантиметров отодвинул предмет обратно, в сторону функционера.

– Прошу (без «вас») меня простить, Всеволод Владимирович, но, чтобы принять решение, мне надо посоветоваться с родителями.

– Обязательно обсуди с ними этот вопрос, – мужчина вновь протянул парню флешку. – Только позволь мне задать маленький вопрос: под «родителями» ты подразумеваешь отца и дядю? Ведь, как я знаю, мать у тебя лежит в коме?

– Вы очень осведомлены.

– Я просто уточнил. Передавай им горячий привет.

– А почему вы не хотите лично передать им это?

– Перед личной встречей мне хотелось бы немного подготовить почву для плодотворного общения. Их реакция может быть слишком эмоциональной. По правде говоря, я давно хотел возобновить общение и только искал повода, чтобы сделать красивый жест или оказать услугу твоей семье.

– То есть, вы расстались врагами?

– Я бы не стал так формулировать, Гор, – функционер начал тщательно подбирать слова. – Скажем так, в свое время мне пришлось немного от них дистанцироваться. Была очень непростая политическая ситуация, а твои старшие родственники вели себя очень опрометчиво.

– То есть, Всеволод Владимирович, вы бросили их в трудную минуту?

Всеволод Владимирович впервые проявил свои эмоции: он резко встал и начал ходить из угла в угол.

– Гор, спустя почти полвека затруднительно сказать, кто кого бросил.

– Вы что-то путаете, Всеволод Владимирович. Мои родители тогда еще совсем детьми были.

Функционер с комфортом развалился на стуле. Взгляд его выцветших старческих глаз направился куда-то вдаль.

– У тебя очень интересная семья, мальчик. В открытой информации о старшем поколении твоей семьи нет ни крупицы правды. Некоторые факты я могу тебе лично засвидетельствовать, как непосредственный свидетель. Например, твоя мать намного старше меня, а твой отец и дядя, сейчас известные как братья Леповы, являются моими ровесниками.

Гор, глядя на старика, невольно рассмеялся. Функционер молча дал ему отсмеяться, а затем продолжил с мягкой улыбкой:

– Сейчас я не буду тратить время на то, чтобы убедить тебя в правдивости моих слов, но после разговора со своими старшими родственниками, я думаю, нам будет, о чем поговорить.

– Ладно, я поговорю с отцом. Но почему вы решили именно сейчас, после стольких десятилетий возобновить общение?

– Буду честен с тобой. У меня осталось очень мало времени... – Всеволод Владимирович замолчал на полуслове.

Наступила вязкая тишина. Старик замолчал с открытым ртом. Молодой человек терпеливо ждал продолжения.

– И что вы хотите? – не выдержал Гор.

Функционер вздрогнул, удивленно огляделся по сторонам, потом его взгляд сфокусировался на Лепове и стал более-менее осмысленным. Через несколько секунд странного молчания функционер произнёс:

– Я хочу, чтобы твои родители опять дали мне время, как уже сделали это когда-то.

Гор помотал головой.

– Ничего не понимаю! Что должны дать? Какое время?

Неожиданно Всеволод Владимирович закашлялся. Когда дрожащей рукой он начал вытирать слюнявый рот, стало ясно видно, что, несмотря на внешность мужчины средних лет, перед Гором сидит глубокий старик.

– Просто передай им мое послание дословно: «Мне нужно время». Скажи им, что я сожалею о том, что сделал. Скажи, что я заплачу любую цену. Любую! А освобождение единственного оставшегося в живых ребенка пусть считают авансом для возобновления добрых отношений.

Молодой человек сидел молча, переваривая полученную информацию. Функционер в это время внимательно рассматривал Гора.

– Гор, мне хотелось бы хорошо замотивировать тебя.

– Вы пытаетесь купить меня, Всеволод Владимирович?

– Называй это как хочешь, – в голосе функционера послышалась усмешка. – Но в том, чтобы продать себя за хорошую цену, нет ничего зазорного. Ответственно заявляю тебе как человек, проживший достаточно долгую и плодотворную жизнь.

Функционер неожиданно схватился за грудь, несколько раз сипло кашлянул, а потом добавил:

– Я знаю, что ты не нуждаешься ни в деньгах, ни в социальных баллах, но может один из самых могущественных людей Еврассии сможет выполнить какую-нибудь необычную просьбу? Без ложной скромности, Гор, но я один из тех, кто создал современную картину мира.

– Можно задать вопрос по существу, Всеволод Владимирович?

Гор дождался кивка функционера и спросил:

– Почему вы построили такой дерьмовый мир?

Функционер настолько тяжело поглядел на молодого человека, что Лепов ступешался: у него тут же пропало все желание шутить. Через несколько секунд Всеволод Владимирович откинулся обратно на стул, его лицо заметно смягчилось.

– Нормальный мир, – кривя губы, ответил наконец он. – Мы и так добились даже большего, чем планировали.

– И чего же вы добились?

В глазах Всеволода мелькнуло раздражение, но он взял себя в руки и, приняв несколько театральную позу, заговорил красивым, хорошо поставленным голосом:

– Многого. Раз уж тебе хочется поговорить об этом, буду перечислять по мере уменьшения сложности задачи. Первое – уменьшение численности людей до приемлемого уровня. Второе – уничтожение общества потребления. Третье – восстановление экологии. Четвертое – уменьшение почти до нуля преступности, в том числе организованной и потомственной.

Функционер явно хотел продолжить свой список, но тут его перебил Лепов, поднявший руку в знак молчания и приостановления диалога:

– Всеволод Владимирович, вашим пропагандистским сказкам о преступности не поверит ни один современный здравомыслящий человек. Всем понятно, что любой мало-мальски здоровый организм будет избавляться от гнилостных образований, мешающих ему жить. Я не понимаю, как можно поверить не просто в организованную, так ещё и в потомственную преступность!..

Функционер жестом руки прервал словоизлияния Гора.

– Преступность, Гор, была органично встроена в человеческий социум на протяжении многих поколений, поэтому я предлагаю сравнивать её не с гнилостными образованиями, а с шестым пальцем на руке, который уродлив, почти не гнется и практически бесполезен. Кажется бы, надо просто отрезать его к чертям собачьим. Но обладатель тела живет один на необитаемом острове. Он не знает, что шестые пальцы некрасивы и далеки от нормы. На острове просто нет носителей нормы, а если бы даже нашего героя во сне посетило понимание, что надо убрать лишний палец, то все равно ближайший квалифицированный хирург с инструментом находится на другом краю света. К тому же шестой палец плоть от плоти, его покрывает такая же кожа, как и на остальном теле, внутри пальца такая же косточка и ноготь точно такой же, как на других пальцах. Тебе понятна моя немного физиологичная аналогия?

– Ну, более-менее. Но...

Мужчина посмотрел на свою внутреннюю голограмму и в очередной раз перебил молодого человека:

– Гор, давай обсудим общие темы в другой раз, когда будет больше свободного времени. Сейчас мне нужно знать, что ты хочешь за свою помощь?

Лепов театрально задумался. Старик спокойно ждал ответа с вежливой улыбкой на лице.

– Есть одна вещь, – через несколько минут начал говорить молодой человек. – Как раз для человека вашего уровня.

– Продолжай, Гор.

– В свое время мама рассказывала о своей поездке в Китай, на какую-то научную конференцию. Но вместо посещения запланированных мероприятий она с друзьями пропала на фестивале больших симфонических оркестров. По её словам, это были волшебные мистерии: великолепный синтез музыки, сценического действия, света и голоса. Я с детства мечтал попасть туда, но Китай уничтожен, а мы празднуем очередную годовщину геноцида. Разве не аморально, Всеволод Владимирович, праздновать годовщину одного из самых страшных преступлений в истории человечества?

– Гор, наш социум не празднует геноцид, мы просто отмечаем победу своего мировоззрения и образа жизни. К тому же, у нас не было другого выбора...

– Неубедительное оправдание.

Функционер хмыкнул и продолжил:

– Не могу не признать, что с уничтожением Китая мир понес невосполнимую потерю. Долгое время, пока весь остальной мир боролся за выживание, Маньчжурия десятилетиями собирала и бережно хранила сокровищницу мировой культуры. Но что сделано, то сделано. Официально каяться никто не будет, поэтому давай без лишних сантиментов.

– Хорошо, Всеволод Владимирович. Я хочу услышать живой концерт большого симфонического оркестра.

– Немного неожиданно. А зачем тебе это?

– Я же говорил, Всеволод Владимирович, детская мечта. И чтобы оркестр исполнял что-то грандиозное, эпическое, а в оркестре человек так за двести было. Слушаешь, и дух захватывает.

– А сейчас разве нет больших симфонических оркестров? Даже в Америке, Альбионе?

– Нет, только камерные группы.

– Ну, Гор Александрович, ты и задачи ставишь! Ты понимаешь, что создание таких коллективов – это вопрос многих лет, а то и десятилетий? Ты хоть осознаешь масштаб задачи? Объяснить обществу, что у него есть потребность в этой музыке, выбить средства, подготовить исполнительские школы, адекватно замотивировать исполнителей, воспитать музыкальный вкус обывателя...

– Да, – твердо ответил Гор.

Старик неожиданно рассмеялся, потом встал из-за стола и подошел к Лепову.

– Договорились. Мне даже интересно стало. Помогите мне помириться с твоими родителями, и я выполню свои обязательства.

Они скрепили договор крепким рукопожатием.

– А сейчас иди, – сказал функционер. – Позднее я свяжусь с тобой.

Молодой человек молча кивнул и направился к двери.

– Гор, – вдруг окликнул его старик.

Лепов развернулся и вопросительно посмотрел на своего собеседника.

– Тот апрель в Китае навсегда останется лучшим воспоминанием в моей жизни. Спасибо, что напомнил о нём!

3. Тяжелый и несуразный день.

На следующий день Гор провалялся в постели почти до полудня. Для него поздний подъем был крайне необычным делом, но странная апатия и ломота во всем теле перевернули с ног на голову его привычный распорядок дня. Он бездумно валялся под пение птиц и жужжание насекомых, изредка ошупывая ноющие ребра. Яркие солнечные лучи, изредка пробивающиеся сквозь колышущиеся занавески, немного раздражали, но сонливости от этого меньше не становилось.

Тишину резко нарушил наручный коммуникатор. Лепов, не открывая глаз, вытащил левую руку из под одеяла и прервал завывания коммуникатора характерным горизонтальным движением.

– Привет, братан. Ты, я гляжу, после вчерашнего провала отлеживаешься и собираешься с силами. Да, это был эпичный слив! – прозвучал из коммуникатора знакомый голос. – А весь последний год все твердил: информационная бомба, всколыхнем это болото, откроем людям глаза... Даже не знаю, как такое можно корректно прокомментировать!

– Это ты, Хэпибуля? – пробурчал Лепов, не открывая глаз.

– Я, а кто же еще? Кстати, а почему видеорежим не включаешь?

– Ты позвонил только за тем, чтобы поглумиться надо мной? – все так же, не открывая глаз, спросил Гор. – Давай завтра поговорим. Тишины хочу.

– Встречное предложение: приходи сегодня на стронг. Лучший отдых от тяжелых мыслей. Разомнешься, перезагрузишься, а завтра, гарантирую, будет легче.

– Неплохо бы, – ответил Гор. – Но после памятных событий, меня команда не примет. Помнишь, я тогда еще немного погорячился?

– Это ты называешь «немного»? Зачетнейший косяк. Да, тебя только чудом тогда не прибили. – Рассмеялся Хэпибулин, предавшись воспоминаниям. – Но ты не беспокойся, я вчера убедил команду, что без тебя кубок мы не возьмем, так что можешь включаться в тренировочный процесс.

– Не уверен, что хочу сегодня играть.

– Ну, тогда можешь сидеть дома и страдать. Кстати, начинаем, как обычно, после пяти на полигоне. Адью!

Коммуникатор замолчал. Гор с наслаждением потянулся, но неожиданно опять прошел вызов. Парень посмотрел на наручный коммуникатор и чуть заметно кивнул. На сей раз появилась голограмма Хэпибулина.

– О, вижу, ты уже начал просыпаться. Забыл сказать, я выбил грант на исследование культурного наследия азиатского континента-заповедника. Сейчас набираю команду. Есть отличная возможность побывать в местах, в которые обычному туристу путь заказан. Сменишь обстановку, отдохнешь от своих пробирок, а через пару месяцев вернешься в Калинин, и с новыми силами будешь разгребать пески науки. Ты как?

– Борян, я специализируюсь только на естественных науках. Что я буду делать в сугубо гуманитарной экспедиции? – спросил Лепов.

– Это решаемо, – отрезал Хэпибулин. – Хорошего химика всегда можно приспособить к практической работе, штатную единицу под тебя я смогу выбить.

– А куда поедете?

– На Индо-Гангскую равнину. Там недавно обнаружили десятки огромных полостей в земле, явно искусственного происхождения. Моей группе отдали в разработку один небольшой схрон. При некотором везении можно будет обнаружить что-нибудь интересное, а то и написать целую научную работу!

– Кстати, Борян, а почему никто Китай не исследует? Там же на порядок больше ценностей...

– Совсем ты, Горка, политику не сечешь!

– Ну, так объясни, знаток хренов, – раздраженно ответил Лепов.

– Кто уничтожил практически все население южной и юго-восточной Азии? Пра-а-авильно, Китай, хотя и с некоторой поддержкой других стран. А кто уничтожил Китай? Правильно, мы с Америкой.

– Это общеизвестно, Борян, давай уже по существу.

– Так во-о-от... Если объяснять по-простому и для особо одаренных, то чем больше культурных ценностей найдется в южной Азии, тем большим агрессором и палачом самобыт-

ных мирных народов будет выглядеть Китай. И, соответственно, чем больше ценностей сейчас будет находиться в Китае, тем мы будем выглядеть более неприглядно. Так что, наши исследователи посетят Манчжурию только через годы, а то и десятилетия. Политика, брат!

– Дерьмом попахивает твоя политика, Борян.

– Се ля ви!

– Что ты сказал?

– Не обращай внимания, это на старославянском. Ладно, вечером после стронга обсудим детали экспедиции, – быстро проговорил Хэпибулин и отключился. Голограмма исчезла.

– Нигде нет покоя, – пробормотал Гор. Он не спеша поднялся с кровати и начал делать ежедневную зарядку.

После зарядки Гор принял душ и так же, неспешно и обстоятельно позавтракал. Приниматься за научные изыскания ему было лень, а в доме, как назло, не было ни отца, ни дяди, так что поговорить было совершенно не с кем. Молодой человек побродил по дому, прогулялся по участку возле дома, покачался в тенике под большой березой на старых облезлых качелях и зашел обратно в дом.

Лепов решительно не знал, чем себя занять, от чего он бесцельно начал бродить по дому. Неожиданно он заметил, как оказался перед закрытой знакомой дверью, которую, через пару секунд молчаливых раздумий, открыл.

Гор зашел в комнату мамы, в которой царил привычная тишина, изредка нарушаемая звуками работы медицинского аппарата. В центре небольшой комнаты стояла медицинская кровать, на которой в полумраке угадывались контуры лежащего тела. Рядом с кроватью немного подсвечивал комнату многочисленными дисплеями и датчиками приземистый медицинский аппарат. Гор включил фоновый свет и сел на один из стульев, стоящих у стены. Спустя полчаса молчаливых наблюдений он привстал и подоткнул одеяло. Потом присел обратно. Прошло еще минут сорок, после чего парень вновь встал и нежно погладил лежащую на кровати женщину по щеке, потом нежно поцеловал и пригладил сильно отросшие волосы, неаккуратно торчащие в разные стороны.

– Проклятая секта, – одними губами, еле слышно прошептал Гор.

Молодой человек начал все быстрее ходить по комнате, из угла в угол. Злость, которая копилась в нем все это время, начинала заметно дергать его. Через несколько минут ходьбы Гор подскочил к кровати и выкрикнул:

– Мама, почему ты не с нами? Почему?!

Теперь Лепов практически бегом передвигался из угла в угол комнаты. У него совсем сдали нервы.

– Проклятая секта! – во все горло кричал он. – Ненавижу! Ненавижу!

Парень снова подскочил к кровати и сорвал со стены над её изголовьем большую деревянную эмблему, стилизованно изображающую обнаженного человека, раскидывающего руки на фоне языков пламени. Эмблема эффектно развалилась под ударом мужского колена. Лепов бросил деревянные остатки на пол и начал ожесточенно их топтать. Почему-то особенно долго пришлось топтать надпись «ЦЭБ», выполненную красивым готическим шрифтом, она словно никак не хотела ломаться.

На этом жажда разрушения Леповым была не удовлетворена. Он распахнул дверь и мимоходом, двигаясь всем телом от бедра, впечатал кулак в большой щиток, на котором находился выключатель фонового света. Свет погас с коротким искрением. Лепов выбежал из комнаты и посмотрел на кулак, на котором появились окровавленные царапины, кое-где подпаленные ожогами от удара электрическим током.

Молодой человек не спеша поднялся к себе в комнату, в ванной наскоро обмыл руку и обработал повреждения аэрозолью из баллончика, взятого в настенной аптечке. Потом быстро оделся в спортивную одежду, бегом спустился вниз, и, на мгновение, заглянув в полу-

открытую дверь маминой комнаты, выбежал на улицу. Лепов конечно же убедился, что у мамы все нормально, но сделал это настолько торопливо, что не заметил, как изменился режим подсветки медицинского аппарата, а на центральном табло тревожно моргала какая-то надпись...

Обычно Гор бегал на полигон по окраинам города, но времени было в обрез, поэтому пришлось бежать короткой дорогой через центр Калинина. Историческое сердце города встретило молодого человека праздничной атмосферой: громко играла бравурная музыка, вывешивались украшения и баннеры.

– Бот, что происходит? – не уменьшая скорости бега, спросил Гор.

Наручный коммуникатор ответил молчанием.

– Я спрашиваю, что происходит, проклятая железяка? – повысил голос молодой человек.

Опять молчание.

– Тьфу ты, я же тебя выключил...

Гор движением головы вызвал внутреннюю голограмму и голосом уточнил причину приговлений. Сегодня была знаменательная годовщина современной истории: ровно тридцать лет назад открыли последний пятый по счету Азиатский континент-заповедник.

Парень нерешительно стоял около летней раздевалки, в которой спортсмены заканчивали переодеваться. Как и ожидалось, команда встретила его угрюмым молчанием. Хэпибулин, как обычно, опаздывал, и не было похоже, что его обещанный разговор с парнями состоялся: они начали почти сразу, не спеша, брать Лепова в клещи. Напряжение возросло до предела. Гор четко понимал, что, если он сделает сейчас хоть шаг назад, на него бросится десяток одних из самых сильных и физически подготовленных людей континента. При этом и подходить ближе он не хотел, потому что боялся спровоцировать мгновенное нападение.

Впрочем, до схватки дело не дошло. Обстановку разрядил Хэпибулин, который неожиданно появился на полигоне и демонстративно обнял Гора:

– Молодец, что пришел! – преувеличенно веселым тоном закричал он. Потом добавил, уже обращаясь к парням: – Ребята, пришел лучший центральной страны, и теперь кубок у нас в кармане. Ну, что встали? Сначала разминка, а потом жеребьевка. Янек, ты сегодня за администратора, начинай разминку, а потом за тобой дележка и судейский бот.

– Кэп, а почему сразу Янек? Что, кроме меня администрировать некому?

– Некому. Начинай приносить пользу, а то больше тебя косячит только это чудило, – Хэпибулин с силой хлопнул Лепова по плечу. – Но от него хотя бы на полигоне есть польза, так что нечего больше обсуждать.

Когда Янек начал разминку, Хэпибулин тихо шепнул Лепову:

– Гор, больше никаких глупостей. Малейший косяк, и ты больше никогда не вступишь в команду. Ребята сейчас тебя с трудом терпят, но выигрыш турнира переформатирует ситуацию, и со временем все позабудется. Научись держать себя в руках, окей?

После часовой разминки началась изматывающая парная тренировка. Как бы случайно, Хэпибулин встал в пару вместе с Леповым. Гор отметил, что его друг постоянно держится рядом с ним. После быстрой жеребьевки капитан юношеской сборной по стронгкубу Калининского района взял слово:

– Через месяц чемпионат. После всем известных прошлогодних событий боевой стронгкуб фактически оказался под запретом. Хорошо хоть недавно разрешили играть по бесконтактному варианту. Поэтому играть будем по новым правилам. Того, кто не удосужился ознакомиться с новыми правилами, прошу сделать шаг вперед.

Борис выждал паузу, как бы ожидая, что большинство людей выйдет вперед, но все парни оставались на своих местах. Он продолжил:

– Вижу, правила все прочитали, молодцы. Но я их еще раз напомню: две команды идут через щиты шириной по десять метров, установленные параллельно. Еще раз уточняя, элементы боевого стронгкуба запрещены вообще. Набор щитов таков: сначала идут под-

ряд на повышение от двухметрового до пятиметрового, далее снова пятиметровый и далее щиты идут на понижение до двухметрового. Щиты выше пятиметрового отменили, поэтому в команде не более пяти человек. Старт от стандартного постамент, куб стоит на идентичном постаменте после всех щитов, финиш после возвращение на место старта. Вопросы?

Поднялся гул: парни начало эмоционально выражать свое отношение к новым правилам, по большей части, нецензурно. Лепов стоял в стороне и старался не вливаться в дискуссии.

– Тихо, – Хэпибулин властно поднял руку. – Давайте побережем силы для игры. То, что в правительстве сидят уроды, мне говорить не обязательно. Я это и так знаю не хуже вашего. Вопросы по существу есть? Нет? Тогда начинаем. Сегодня будем играть с учетом новых правил и пробовать разные стратегии. Внимание: сейчас тот редкий случай, когда новые идеи приветствуются. В общем, будем экспериментировать. Пятиминутная готовность.

Минут через десять Янек, исполняющий роль судьи, дал свисток. Две команды по пять человек рванули от своих стартовых линий к первому щиту. Двухметровый щит команда Гора прошла с разбегу, не останавливаясь. Им оставалось метров десять до следующего щита.

Трехметровый щит опять все игроки проходили одновременно. Сознание Лепова привычно разбило маршрут на отдельные этапы: прыгнуть на высоту три метра, зацепиться руками за край деревянного щита, подтянуть тело максимально вверх, сделать выход силы, перевалиться через щит, аккуратно, но максимально быстро спрыгнуть вниз. И десятиметровый рывок до следующего щита.

Четырехметровый щит требовал уже формирования одноярусной малой черепахи. Лепов с Хэпибулиным сцепились локтями и оперлись о щит, создавая своими спинами надежный трамплин для прыжка других игроков. Когда три игрока оказались на ребре щита, малая черепаха распалась, и Лепов подбросил вверх Хэпибулина, где его схватили за руки два игрока. Третий игрок симметрично повис с другой стороны щита, уравновешивая Бориса. Лепов, как по канату, взобрался по висящему на руках телу Бориса, потом перепрыгнул через ребро щита и соскользнул на землю по телу третьего игрока.

Прыгать с самого верха четырехметрового щита запрещалось правилами, поэтому Гор поочередно принимал на руки игроков команды, которые сразу бросались к пятиметровому щиту. Потом Лепов за мгновение преодолел десять метров и с помощью двухъярусной малой черепахи за один прыжок оказался на ребре нужного щита. Теперь стояла задача помочь игрокам, оставшимся снизу, преодолеть ребро щита и аккуратно, без прыжка с самого верха, спуститься на землю.

Была преодолена ровно середина пути до заветного куба. Оставалось преодолеть второй пятиметровый щит и дальше, с каждым щитом будет легче идти до цели. Гор впервые за последние дни почувствовал себя если не счастливым, то, по крайней мере, пришедшим в норму. Наконец прервалась череда несчастий, и жизнь, казалось, начала входить в привычное русло.

«Наука, Наденька!» – шептал про себя на разный манер Гор. – «Наденька, наука! Наука, Наденька!»

В этот момент Лепов окончательно расставил для себя основные жизненные приоритеты; от полноты чувств остро и сладко перехватывало горло. При этом напряженный внутренний диалог совершенно не мешал Гору делать проходку в великолепном темпе отлично настроенного механизма.

После пятиметрового щита практически на автомате Гор прошел с командой четырехметровый, потом трехметровый и двухметровый. Стала видна вожденная цель. Он первый подбежал к заветной линии и дотронулся ладонью до шершавой поверхности черного куба, лежащего на земле. Пока остальные члены команды подбегали к постаменту, появилась возможность посмотреть на успехи конкурентов. По самым грубым прикидкам команда соперников отставала минимум секунд на пять, что для стронгкуба являлось очень большим разрывом.

– Гор, мы в связке! – подбегая, прокричал Хэпибулин.

Лепов отлично понял капитана команды: они вдвоем отвечали за перемещение куба за финишную линию, тогда как остальные члены команды оставались у них на подхвате. Размышлять, почему кэп во время игры поменял решение, было некогда, поэтому Гор подхватил куб, когда последний игрок команды прикоснулся к нему, и рванул в сторону первого щита. Двухметровый щит Лепов прошел без чужой помощи, просто с разбегу зацепившись одной рукой за ребро и одним рывком перемахнув через него. Трехметровый также был пройден на одном дыхании.

Для прохождения четверки, как называли четырехметровый щит игроки, Лепову требовалась уже помощь команды. Два игрока подкинули Гора вверх так, чтобы он смог зацепиться за ребро щита и передать куб Хэпибулину, который уже находился по другую сторону щита. Согласно новым правилам, куб нужно было передавать строго из рук в руки, и Борис не мог скинуть его игроку, находящемуся на земле. Поэтому Лепов подхватил капитана команды за свободную руку и опустил максимально вниз, другой рукой при этом зацепившись за ребро щита. Дальше Хэпибулин просто спрыгнул на землю: благо до неё оставалось совсем немного.

Пятиметровые щиты или пятерки проходили с помощью похожей тактики. Потом были четверка, тройка и двойка. Последний рывок, и куб лежал на земле за вождеденной чертой. Через несколько мгновений остальные члены команды дотронулись до черной матовой поверхности. Один игрок с радостным воплем повалился на землю, двое со счастливыми улыбками побрели в сторону трибуны.

– Молодца! – Хэпибулин с силой хлопнул Гор по плечу. – Только благодаря тебе мы прошли секунд на десять быстрее.

Гор благодарно кивнул и пошел к трибуне попить воды. Он проследил за командой соперников: те еще даже не финишировали. Между ними был очень большой разрыв по времени. Разгромная победа! Пусть во время тренировки с членами своей команды, но все равно победа!

Через несколько минут кэп собрал всех вокруг судейского стола для просмотра записи игры на предмет нарушений, имеющих возможность аннулировать результат. Большая голограмма во всех деталях показывала проходку двух команд. В непонятные моменты Янек в роли судьи включал запись с других ракурсов.

Грубых нарушений таких, как касание куба о землю и щиты, не зафиксировали. Бросков куба от игрока другому игроку тоже практически не было, большинство передач было сделано достаточно аккуратно. Но несколько игроков явно спрыгивали с высоты, запрещенной правилами.

– Али, – вкрадчиво спросил Хэпибулин самого злостного нарушителя. – Ты что творишь, гад?

– Да не могу я перестроиться с боевого стронга, Борян! – раздраженно ответил игрок, удивительно низкорослый для стронгкуба. – И не хочу! Игру совсем кастрировали. Борьбы нет, драйва нет. Неинтересно! Я с шестиметровых щитов сотни раз прыгал, и нормально все со мной было. А тут развели розовые сопли!

– Все образуется, Али. Через год или два боевой стронгкуб вернется.

Али вплотную подошёл к Хэпибулину и сказал, направив взгляд почему-то на Гора:

– А если потом появится еще какой-нибудь урод, типа его брата, еще какой-нибудь Безумный Лепов? О стронге даже в таком кастрированном виде вообще придется забыть?

Хэпибулин только молча пожал плечами. Али, все больше распаляясь, театрально махнул рукой в сторону Лепова:

– Посмотрите на него: это же потенциальный псих! Помните, что он устроил на прошлой тренировке? Кстати, заметное совпадение, что он родной брат знаменитого Безумного Лепова. Та же генетика.

– Али, в прошлый раз Гора как раз и спровоцировали на конфликт такими вот нападками. Поэтому возьми себя в руки и перестань мутить воду, – совершенно спокойно ответил Хэпибулин. – Без Гора мы кубок не возьмем. Обратите внимание на то, что, согласно новым правилам, нет контакта с игроками другой команды. Кого не устраивают новые правила, может иди домой.

– Кэп, как это нет контакта? – искренне удивился Али. – А с игроками своей команды? Кто-нибудь помнит, сколько именно своих игроков положил Безумный Лепов?

– Четверых, двое выжили, – подсказал Янек. – Кстати, я постоянно пересматриваю то воистину эпичное видео. Даже не верится, что такое кровавое безумие в реале могло произойти...

– Янек, ну ты-то не подливай масла в огонь, – устало пробубнил Хэпибулин.

– Беспредельная жестокость!

Вдруг загоревшийся от спора Янек повернулся к Гору:

– Гор, давай включайся! Шоу маст гоу он!

Тот криво улыбнулся.

– Хватит болтать, – повысил голос Хэпибулин. – Все будет нормально. Надо заниматься игрой, а не выяснением степени опасности друг для друга. Белые и плюшевые парни стронгом не занимаются.

Все молча наблюдали за капитаном команды, которого явно разозлили пустые препирания товарищей.

– Готовность пять минут, – сухо выдал он. – Отсутствие на старте будет расцениваться как заявка на уход из команды. Сегодня для анализа и проработки стратегии игры нужно сделать не менее десяти проходов. Пять минут.

На последних словах Хэпибулин показал команде растопыренную пятерню, потом развернулся и демонстративно отправился в туалет. Своим спичем он умело сбил накал страстей и почти все парни, негромко переговариваясь, начали расходиться по своим делам. Рядом с судейским столом остался Янек, занятый отладкой алгоритма движения дронов, и Али, стоявший напротив Гора с демонстративно скрещенными на груди руками. Между ними висело тяжелое молчание.

– Все будет нормально. Я обещаю, – после недолгого молчания сказал Лепов.

Али буквально просверлил Гора глазами, а затем недружелюбно процедил:

– Посмотрим.

Гор пожал плечами и пошел на скамейку подтянуть шнурки кроссовок. Сейчас Лепов прямо-таки физически чувствовал недоброжелательные взгляды на себе. Али своим выступлением здорово разворошил подспудно тлеющие угли враждебности.

«Я докажу, что нужен команде. Буду играть в полную силу», – решил про себя Гор.

Через несколько минут прозвучал сигнал, призывающий стартовать. Началась привычная работа. На этой проходке Гор выкладывался изо всех сил, как и планировал, до надрыва мышц и хруста связок. Когда забирали куб, Хэпибулин, который опять оказался в связке с Гором, быстро шепнул:

– Мягче работай, а то поломаешь кого-нибудь.

Лепов кивнул, но скорость не сбавил. Сейчас он был на пике формы и хотел максимально выложиться. Их команда опять шла со значительным опережением, выбранная тактика приносила видимый результат.

Неожиданно резко прозвучал сигнал аварийного останова игры. Через несколько секунд, когда инерция у игроков закончилась, все начали осматриваться в поисках пострадавшего: аварийный финиш практиковался, когда какой-либо игрок получал травму, несовместимую с продолжением игры.

Травмированным игроком оказался Хэпибулин. Он лежал у подножия щита и страшно матерился.

Янек на правах судьи скомандовал поднять капитана сборной и отнести на больничный стол, находящийся рядом с трибунами. Там Хэпибулина зафиксировали специальными ремнями, а потом вокруг его тела начал выписывать сложные пируэты дрон в режиме сканера-томографа.

– Ничего страшного, – огласил вердикт Янек. – Выпадение левого плечевого сустава из суставной сумки. Нужно вправить вывих и дать телу покой. Ну, что касается полноценной восстановительной терапии..., обращайся к профессиональному физиологу.

– Выводи данные, – потребовал Хэпибулин.

– Ок, кэп.

– Ты прав, Янек. Ничего страшного нет, но этим летом мне уже не побороться.

– Кэп, тебя в больницу или своими силами?

– Своими. Нечего людей по пустякам беспокоить. У тебя рука легкая, Янек, поэтому вправляй мне плечо. Ребята, придержите меня, чтобы я не дернулся в ответственный момент, а то на эти ремни надежды немного.

Несколько игроков, включая Гора, подошли к столу, чтобы помочь.

– Гор, а ты отойди от меня. Ты уже свое дело сделал, – процедил Хэпибулин.

Лепов на секунду опустил взгляд, сконфуженный.

– Борян, это была случайность... Я не хотел нанести тебе травму.

– Сейчас это не важно. Пока просто не подходи ко мне. Парни, пожалуйста, проследите за Леповым.

К Гору демонстративно подошли несколько игроков во главе с Али. Тот пожал плечами и отошел в сторону метров на десять. Между тем Янек быстро вправил руку Хэпибулину и спор начал делать фиксирующую повязку.

– Янек, включи голограмму, посмотрим внимательно, что случилось.

После того, как собралась вся сборная, перед судьейским столом возникла всё та же большая голограмма фрагмента игры непосредственно перед аварийным остановом. Запись прокрутили много раз, меняя ракурс и степень детализации изображения.

Раз за разом, во всех подробностях было видно, как Лепов буквально выдирает руку из плеча Хэпибулина, перебрасывая того через щит, как легкую матерчатую куклу.

– Кэп еще легко отделался, – высказал общее мнение один из игроков. – Лепов, ты, случаем, никакого апгрейда не прошел? А то, что ты тут вытворяешь, просто за пределами для нормального человека...

– Петер, не тупи, – вмешался Янек. – Два раза в год каждый игрок сборной проходит комплексную проверку. Люди, прошедшие апгрейд, к игре не допускаются.

– Может, это какой-нибудь хитрый апгрейд? – не сдавал позиций Петер. – Семейка-то у него непростая, как я слышал. Задействовали административный ресурс или придумали что-нибудь хитрое, что обычная проверка никогда не найдет. Надо бы отправить его на более тщательное исследование.

Предубеждение против Лепова было настолько сильное, что игроки сборной сразу восприняли высказывание Петера как руководство к действию. Они немного раздались в стороны, освобождая себе место для боевого маневра. Гор непроизвольно сделал шаг назад и встал в защитную стойку. Напряжение выросло до предела.

– Прошу минуту внимания! – морщась от боли, выкрикнул Хэпибулин. – Я слагаю с себя обязанности капитана сборной Калининского дистрикта.

Это было крайне неожиданное заявление, ведь в прошлом Хэпибулин приложил колоссальные усилия, чтобы стать капитаном молодежной сборной. Сначала команда затихла, придя

в замешательство, а потом активно забурлила. Хэпибулин, сидя на больничном столе, поднял здоровую руку, призывая людей к тишине.

– После всем известных событий недельной давности практически все игроки сборной требовали от меня исключения из её состава Гора Лепова, но я своим особым статусом капитана принял решение оставить его. Признаю, желание победить в чемпионате ослепило меня. Мне очень хотелось перед вхождением во взрослую жизнь взять золотой кубок стронгкуба. Сейчас для меня очевидно, что этим решением я подверг ваши жизни и здоровье опасности. Искренне прошу у вас всех прощения! В данный момент не принципиально, были ли действия Лепова мстью за мои отношения с его женщиной в прошлом или были просто несчастным случаем. В первом случае Гор Лепов – это ревнивый социопат, к которому нельзя поворачиваться спиной, во втором – человек, обладающий огромной силой и быстротой реакции, но который не может себя контролировать, что намного хуже, – капитан сборной сделал паузу, а затем продолжил: – Потому что тут маячит призрак второго Безумного Лепова. Прошу простить меня за тавтологию.

Когда Хэпибулин прервался, чтобы сделать глоток воды, Али задал вопрос, который явно волновал всю команду:

– Так что, сдадим его Департаменту Общественной безопасности?

– Конечно нет, Али, – раздраженно ответил Хэпибулин. – В данной ситуации доказать злой умысел практически невозможно, поэтому это будет квалифицироваться, как несчастный случай. Не будем никого привлекать со стороны. Не будем выносить сор из избы, разберемся в узком кругу. Ставлю на голосование: освободить Лепова Гора Александровича от членства в юношеской сборной Калининского дистрикта. Кто «за», прошу поднять руку.

Борис, морщась, поднял здоровую руку. За ним подняли руки все остальные игроки сборной, кроме самого Гора.

– Единогласно. Воздержавшихся нет, – удовлетворенно промолвил бывший капитан сборной. – Давайте сделаем перерыв минут на тридцать, а потом будем выбирать нового капитана. Скажу сразу, мою кандидатуру прошу не предлагать, потому что я откажусь.

Хэпибулин с помощью других игроков сполз со стола и заковылял в сторону трибуны.

– Гор, можно тебя на два слова? – мимоходом бросил он.

Лепов молча последовал за своим товарищем. А что ему ещё оставалось?

Когда оба молодых человека оказались около трибуны, Гор затараторил:

– Борян, это была случайность. Я совершенно не хотел нанести тебе вред, я...

– Слишком много совпадений, Гор, – резко прервал парня Хэпибулин. В его голосе больше не присутствовало ни бывалого веселья, ни тех ноток дружелюбия и иронии, с которыми он раньше обращался к Лепову. – Да и мотив у тебя есть. В любом случае, сборная тебя бы больше не потерпела, так же, как и я. Поэтому слушай меня внимательно: просить тебя не появляться на горизонте моей жизни не буду – это было бы чересчур самонадеянно, ведь мы живем в одном городе. Но я прошу тебя, давай просто прервем общение. Не звони мне больше и не пиши. Я поступлю точно так же. А, если мы окажемся в одной компании, то постараюсь сделать вид, что мы с тобой не знакомы.

– Зря ты так, Борян.

Хэпибулин пристально посмотрел в глаза Лепову и с расстановкой проговорил:

– Прощай, Гор.

Гор был расстроен сложившейся ситуацией, но усталость от постоянных неудач и потерь взяли над ним верх, вызывая в нём бессилие и отрешённость. Облизнув сухие губы, он коротко кивнул Хэпибулину:

– Прощай, Борис.

Лепов тяжело вздохнул и пошел прямо навстречу яркому июньскому солнцу. От солнца слезились глаза и першило в горле. Он шел долго, пока не оказался на берегу Балтийского

моря. Место, в котором он оказался, было рядом с городом: он был виден сквозь водяную дымку, но при этом дикое и совершенно безлюдное.

Гор попробовал воду на ощупь. Она была очень холодная, почти ледяная. Теплая солнечная погода установилась совсем недавно после холодной весны, и поэтому вода не успела прогреться.

Несмотря на это, парень разделся догола и с разбегу забежал в море, рискуя подвернуть ногу на скользких камнях. Он плавал до изнеможения, потом еще очень долго плавал через силу, но все равно не выходил из ледяной воды. И только после того, как ноги начало сводить судорогой и почти пропала чувствительность тела, Гор позволил себе покинуть неласковую воду.

Начинало смеркаться, и пока Лепов голышом бегал по берегу, пытаясь согреться, тьма спустилась на ненавидимый им город, древний Калинин.

Наконец согревшись, Гор кружным путем, всячески оттягивая возвращение домой, двинулся в сторону дома. Стояла теплая балтийская ночь. Оглушительно шумели цикады, яростно зазывая полового партнера. Чуть слышно шумели деревья под легким ветерком.

Молодой человек не спеша пробирался сквозь густой туман, неожиданно спустившийся на лесную тропинку. Лицо уже не было таким хмурым, и на нем даже иногда появлялась тень улыбки. Стальной обруч, многие часы сковывавший грудь, казалось, начал немного ослаблять свои тиски. Неожиданно, как будто сработал выключатель, стали слышны звуки музыки и тот характерный шум, который всегда сопровождает места сборищ большого количества народа.

Когда Гор вышел из леса на открытое место, перед ним открылось феерическое зрелище: круговое факельное шествие, торжественно вышагивающее под рваный ритм больших барабанов. Несколько минут Лепов заворожено смотрел на проходящих мимо него людей, пока не подошел какой-то парень в черной рубашке с длинными рукавами, заправленной в широкие желтые штаны.

– На, возьми, – незнакомец протянул какой-то вытянутый предмет. – Здесь находится кнопка включения подсветки.

Гор машинально взял вытянутый жезл и нажал указанную кнопку. Из торца появилось довольно реалистичное изображение пламени, которое сопровождалось характерным потрескиванием и запахом. Гор отпустил кнопку, и пламя тут же исчезло.

– Слышь, а что здесь происходит? – почему-то шепотом спросил Лепов парня.

– Совпали два больших праздника: День Явления и годовщина падения Китая.

– А что это за день явления такой?

– Ну ты темный, однако, – протянул парень. – В этот день Буратин явил миру свою Доктрину и, соответственно, основал Церковь энергоэволюционизма Буратина, более известную как ЦЭБ.

– Спасибо, теперь буду знать. Возьми факел. Я, пожалуй, пойду.

Тот сделал отрицательный жест рукой.

– Позже вернешь. Пройдись с факелом в шествии, проникнись ритмами наших знаменитых барабанов, послушай проповедь. После слова магистра сможешь потрапезничать, если захочешь. Тебе понравится, вот увидишь! А когда надоест, сразу вернешь факел, я постоянно буду находиться возле этого шатра.

– Почему бы и нет, – хмыкнул Гор и влился в шествие.

Нахождение в толпе незнакомых людей впервые в жизни не раздражало Лепова. Он даже начал получать удовольствие от происходящего. Рваный ритм заставлял бездумно двигаться, притоптывать ногами и в нужный момент кричать древний клич «Ку!», вскидывая факел вверх.

– Бум, бум, бум, бум, – могуче гремели барабаны. – Бум, бум, бум, бум.

– Ку-у-у-у! – кричали в ответ люди.

Гор потерял чувство времени. Казалось, он так шел всегда с начала времен бесконечной чередой прожитых жизней по древней траектории уробороса. Внутри горело какое-то первобытное чувство. Это чувство приятно жгло изнутри, пьянило и напрочь смывало лишние мысли. Кайф! А что еще надо от жизни? Сделать восемь шагов в окружении соратников и во все горло крикнуть «Ку-у-у-у!» в темноту ночи. И так идти по кругу, пока хватит сил или жизнь не оставит брэнное тело.

Барабаны стихли, и транс начал постепенно сдавать позиции. Процессия еще некоторое время по инерции продвигалась по кругу пока дружно, как по команде, не развернулась к центру шествия. Чьи-то заботливые руки уверенно развернули в нужную сторону Гора, который совершенно не понимал, что надо делать.

Барабаны забили дробь. Из толпы торжественно вышло несколько человек в малиновых штанах с настоящими факелами, и подожгли огромную кучу дров, находящуюся всё это время в центре поляны. Дрова занялись сразу – видимо, были чем-то пропитаны – и стала видна огромная деревянная конструкция, со всех сторон обложенная связками дров. Конструкция стилизовано изображала обнаженного человека, раскидывающего руки на фоне языков пламени, и в точности повторяла панно, разбитое в комнате матери Гором утром этого нелегкого дня.

С глаз Лепова как будто упала пелена. Он немного удивленно посмотрел на свой голографический факел и начал обеспокоенно вертеть головой в поисках свободного прохода для выхода из толпы. Но процессия, до этого растянутая по всей длине окружности, сейчас компактно сгруппировалась за спиной Гора, так что аккуратно выйти из толпы не было никакой возможности.

Причина, почему люди собрались в кучу, стала понятна, когда на грубо сколоченную трибуну, окруженную невысоким заборчиком, вскарабкался человек ужасно похожий на древнего медийного идола Стивена Сигала, которого Лепов помнил ещё по школьному курсу истории. Человек был одет в черную шелковую рубашку и голубые штаны свободного кроя.

– Извините, а кто это? – шепотом спросил Гор у соседа.

– Молодой человек, ЭТО, как вы выразились, сам Патриарх церкви, – скрипучий старческий голос выражал такую степень негодования, что Лепову даже стало стыдно от своего невежества.

Между тем патриарх начал проповедь. Гор пропускал словоизлияния мимо ушей. Его научный склад ума больше интересовал феномен, который только что произошел с ним и окружающими людьми. Они явно были введены в трансное состояние, но механизм, запустивший такую реакцию, был пока Гору не понятен. Пока рабочей версией был психотропный газ, распыленный во время шествия, поэтому он активировал химический анализатор, интегрированный в наручный коммуникатор, и с вежливостью бегемота и напором ледокола бесцеремонно рассекал толпу, делая замеры каждые несколько шагов. Но к огромному разочарованию Гора ни одна проба воздуха не показала наличие хоть какого-нибудь психоактивного вещества.

От обиды он позволил себе настолько громко выругаться, что на него зашикали окружающие люди. Во время проверки своей теории влекомый научным ражем Гор оказался в первых рядах толпы, внимательно слушающей патриарха, который с жаром что-то вещал уже минут десять.

– Братья и сестры, и в заключение маленькой проповеди хочу сказать радостную вещь. Эксперимент по переходу от биологического человека к энергетическому вступил в финальную стадию. Я верю, что эксперимент будет удачным, что тварная суть имманентно присущая Хомо Сапиенсам переродится и перейдет на принципиально новый трансцендентный уровень. Я горд, что наша церковь, несущая миру свет миссии великого Буратина, смогла приблизить начало новой эры! Эры сверхчеловеческого разума. Не важно, будет ли телесная оболочка

у этого разума или нет. Главное, что наступит время гармонии и баланса, экология земли станет, наконец, возрождаться, а уровень личного счастья будет, как никогда, высок.

И тут Лепов узнал патриарха. Это был дядя Эдик, старый друг семьи Леповых, которого Гор помнил с самого раннего детства. В последние годы дядя Эдик куду-то запропал, а Гор специально его судьбой никогда не интересовался, но то, что старый друг семьи был главой ЦЭБ, для молодого человека стало полнейшей неожиданностью.

После внезапной смерти дочери мать Гора впала в депрессию, практически ушла из науки, с головой окунувшись в деятельность секты под названием Церковь энергоэволюционизма Буратина. Главный догмат этой церкви гласил, что раз Бога не существует, то каждый человек должен уподобиться ему, например, путем перехода на новый энергетический уровень своей личности или, как минимум, многолетними практиками самосовершенствования. Секта была небольшая, но пользовалась большим влиянием на востоке Еврассии.

Депрессия закончилась попыткой суицида, к счастью неудачной, но из-за врачебной ошибки мать Гора впала в кому. С медицинской точки зрения, было достаточно легко вывести её из комы, но неожиданным препятствием к возвращению к жизни блистательного ученого стал юридический казус: буквально за неделю до несчастья все члены секты подписали новый устав ЦЭБ. Одним из пунктов устава было прописано, что при попадании в кому прихожанина ЦЭБ ни в коем случае не выводят из нее, а сохраняют в текущем состоянии, пока не будет разработана технология перемещения разума человека в чисто энергетическую субстанцию. Этот жест якобы должен был показать всему миру, что главная доктрина ЦЭБ реализуется в обозримом будущем. В такой ситуации семья Леповых была бессильна что-либо сделать. Оставалось только ждать чуда – чуда выздоровления или чуда новой технологии.

Гор решительно, яростно работая локтями – благо ему позволяли рост и комплекция – пробился в первый ряд зрителей.

– Дядя Эдик! – во все горло закричал он. – Нам надо поговорить о моей матери!

Патриарху в глаза светили яркие софиты, поэтому разглядеть лицо человека, кричащего из толпы, ему было не просто. Да и вряд ли патриарх обладал наблюдательностью, позволяющей сопоставить маленького застенчивого мальчика, которого он видел многие годы назад, с огромным взрослым парнем.

– Братья и сестры, – продолжал проповедь патриарх. – Прямо сейчас я вылетаю на другой край земли, чтобы присутствовать при открытии первого американского отделения ЦЭБ. А вы продолжайте праздновать, дорогие мои! Да пребудет с вами сила и энергия!

Толпа в ответ разразилась одобрительными криками. Когда Гор понял, что единственный человек, который может помочь вывести его мать из комы, уезжает в Америку на неопределенное время, он решил поговорить с патриархом несмотря ни на что.

Между тем патриарх под бурные аплодисменты приготовился сойти с трибуны. Многочисленные служители ЦЭБ все как один в штанах ярких цветов образовывали плотный живой коридор к только что приземлившемуся летательному боту. Лепов с места взял максимальный разгон и прыгнул на невысокий заборчик, чтобы использовать его как трамплин для прыжка на трибуну. Хлипкий забор с сухим треском мгновенно развалился, не выдержав ударной нагрузки, поэтому прыжка не получилось, а Гор, набравший слишком большую инерцию, головой влетел в трибуну. Тонкая фанера не выдержала, и Лепов оказался внутри трибуны прямо под ногами предводителя секты, который все еще прощался со своей паствой. Патриарх испуганно отшатнулся к краю трибуны, потом выхватил из рук стоявшего рядом охранника длинный электрошокер и выставил его перед собой. Когда ошалевший от удара головой Лепов рывком поднялся, то его сильно качнуло вперед на главу секты, а тот от испуга начал раз за разом бить Гора электрошокером.

К удивлению патриарха, надежный, проверенный временем инструмент совершенно не работал, а напавший на него человек совершенно не хотел впадать в ступор и терять созна-

ние. Вместо этого злоумышленник на спине активно отползал к другому краю трибуны. Глава секты в запале подошел слишком близко, но получил могучий удар в живот и кубарем улетел с трибуны.

Когда тело патриарха покинуло трибуну, появилось пространство для маневра, чем немедленно воспользовались два охранника, которые сразу стали наседать с электрошокерами на злодея, якобы совершившего нападение на их работодателя. «Злоумышленник», долго не раздумывая, вывалился с трибуны через дыру, которую сам недавно пробил своим телом и оказался перед плотными рядами многочисленных сектантов. Толпа безмолвствовала, а десяток сектантов, исполняющих роль охранников, не спеша брала нарушителя спокойствия в клещи. Казалось, деваться ему было некуда, но злодей с места прыгнул в толпу, как ледокол, протаранил толпу и скрылся в лесной темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.